

ВИКТОРИЯ ШВАБ

WILD

БЕСТСЕЛЕР NEW YORK TIMES

ОТ АВТОРА РОМАНА «ЗЛО»

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА

ПО ВЫБОРУ ЧИТАТЕЛЕЙ

GOODREADS

В 2018 Г.

Злодеи

Виктория Шваб

Месть

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шваб В.

Месть / В. Шваб — «Эксмо», 2018 — (Злодеи)

ISBN 978-5-04-100463-7

Всплеск электричества. Холодный металл стола. Тяжелое тягучее ничто и мучительная агония. Его первая смерть была жестокой. Но вторая смерть оказалась страшнее. Последние десять лет Виктор жил мстью. Но, достигнув цели, замер в нерешительности. В лаборатории жизнь поделилась для него на две части – «до» и «после». «До» – когда он был простым человеком. «После» – когда стал ЭО.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100463-7

© Шваб В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Сотворение	6
Часть первая	12
Часть вторая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виктория Шваб

Мечь

Victoria Schwab

VENGEFUL

Copyright © 2018 by Victoria Schwab

Иллюстрация на переплете и форзаце *Ольги Закис*

© Музыкантова Е. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

От автора романа «Зло». Лучшая фантастика по выбору читателей Goodreads в 2018 году.

«Захватывающая и мрачная история».

Kirkus Reviews

***

*Маме, Холли и Мириам,
самым сильным женщинам
в моей жизни*

*Если собираешься отомстить, выкапывай две могилы – одну для
себя.*
Дуглас Хортон

Сотворение

Шесть недель назад

Окрестности Мерита

В ту ночь, когда Марсела умерла, она приготовила мужу его любимый ужин.

Не потому, что был какой-то особый повод, как раз наоборот – спонтанность, как твердят все специалисты, залог семейного счастья. Марсела сама не знала, верит ли в это, но определенно хотела попробовать себя в готовке. Ничего особенного – добрый обвалянный в черном перце бифштекс, запеченный батат и бутылка мерло.

Но часы пробили шесть, а Маркус так и не явился домой.

Марсела убрала еду в духовку, чтобы не остыла, а сама подошла к зеркалу в коридоре. Поправила помаду, распустила свои длинные черные волосы, снова собрала их в небрежный узел, оставив пару прядей, разгладила расклевшенное платье. Люди считали ее красивой от природы, но далеко эта пресловутая власть природы не простиралась. На самом деле Марсела шесть дней в неделю по два часа проводила в спортзале, шлифуя, растягивая и доводя до совершенства каждый из ста семидесяти восьми сантиметров своего гибкого тела, и никогда не выходила из спальни, не накрасившись. Нелегкая жизнь, но ведь и брак с Маркусом Андовером Риггинсом, более известным как Марк-Акула, правой рукой Тони Хатча, тоже подарком не назвать.

Семейная жизнь была сложной – но оно того стоило.

Мать любила говаривать, мол, дочь нечаянно умудрилась поймать на крючок самую крупную рыбу. Вот только матушка и не догадывалась: Марсела цепляла наживку, уже точно зная, кого хочет выудить. И поймала именно то, что собиралась.

Вишнево-красные шпильки процокали по деревянному полу, прежде чем утонуть в шелковом ковре. Марсела внесла последние штрихи в оформление стола и зажгла каждую из двадцати свечей на паре железных канделябров, что стояли у двери.

Маркус их ненавидел, но в кои-то веки Марселе было плевать на мнение мужа. Она обожала канделябры: длинные стержни и изогнутые рожки, словно прямиком из французских замков. Они придавали дому флер роскоши. «Новые» деньги ощущались как «старые».

Марсела глянула на часы – уже семь, – но подавила желание позвонить. Пламя быстрее потухнет, если не давать ему распространиться. Кроме того, если Маркус занят по работе, то дело прежде всего.

Марсела налила себе бокал вина и прислонилась к стойке, представляя, как сильные руки мужа смыкаются на чьем-то горле. Или держат чью-то голову под водой, ломают кому-то челюсть. Однажды он заявился домой, перепачканный чужой кровью, и Марсела трахнула его прямо здесь, на мраморном островке посреди кухни, пока в ребра упиралось стальное дуло пистолета, который Маркус не успел вынуть из кобуры.

Люди думали, Марсела любит мужа вопреки его ремеслу. На самом деле она любила его за то, чем он занимался.

Но стрелка на часах миновала восьмерку, поползла к девятке, и возбуждение медленно превратилось в раздражение. А к тому моменту, когда входная дверь наконец распахнулась, раздражение уже затвердело до гнева.

– Прости, дорогая.

Если муж выпивал, его неизменно выдавал голос, что замедлялся до ленивого рокота. Но на этом все. Он никогда не шатался, не путался в собственных ногах, у него никогда не тряслись руки. Нет, Маркус Риггинс обладал твердым стержнем, впрочем, не без изъянов.

– Все в порядке, – отозвалась Марсела и тут же на себя разозлилась: все-таки не смогла скрыть раздраженные нотки.

Хотела уйти на кухню, но Маркус перехватил Марселу за запястье и так резко дернул к себе, что она потеряла равновесие. Муж подхватил ее в объятия, и она посмотрела ему в лицо.

Да, его талия слегка раздавалась, пока ее лишь стройнела, а прекрасное тело пловца с каждым прошедшим годом все больше теряло форму, но песочно-каштановая шевелюра не поредела, а глаза сохранили глубокий синий оттенок сланца или темной воды. Маркус всегда привлекал внимание, хотя неизвестно, сколько в том было заслуги его дорогих костюмов, а сколько – той манеры, с которой он шел по жизни: словно ждал, что все уберутся у него с дороги. Обычно так и происходило.

– Ты роскошно выглядишь, – прошептал Маркус, и Марсела ощутила, как в бедро упирается твердый член. Увы, ей уже перехотелось.

Марсела провела ногтями по небритой щеке мужа.

– Голоден, милый?

– Всегда, – прорычал он ей в шею.

– Хорошо. – Марсела отступила прочь и разгладила подол. – Ужин на столе.

* * *

Алая капля вина стекла по бокалу на белую скатерть, точно пот. Марсела налила слишком много, от нарастающего раздражения руки плохо слушались. Маркус, похоже, пятно не заметил. Да он вообще ничего не замечал.

– За мою красавицу жену.

Маркус никогда не читал перед едой молитву, зато всегда произносил тост, с самой их первой встречи. Не имело значения, сколько за столом человек – двадцать или двое. Поначалу Марсела находила это милым, но со временем жест стал пустым, заученным. Не искренне очаровательным, а рассчитанным на очарование. Однако Маркус каждый раз исправно произносил слова и, похоже, тем самым проявлял свою любовь. Ну или просто был человеком привычки.

Марсела подняла свой бокал.

– За моего красавца мужа, – автоматически ответила она.

И уже почти поднесла вино к губам, когда вдруг заметила пятно на манжете Маркуса. Сперва приняла за кровь, но кровь не может быть такой яркой и розовой.

Помада.

В памяти мгновенно всплыли слова других жен мафиози.

«Начинает отводить глаза?»

«Меняет женщин как перчатки?»

«Все мужики козлы».

Маркус резал бифштекс, что-то болтал про страховку, но Марсела уже его не слушала. Перед глазами встала картина: муж проводит большим пальцем по накрашенным женским губам, приоткрывая их костяшкой.

Марсела стиснула бокал. Ее бросило в жар, хотя в желудок упал ледяной ком.

– Что за гребаное клише.

– Прости? – переспросил Маркус, не переставая жевать.

– Твой рукав.

Он безразлично глянул на розовое пятно. Ему даже не хватило совести изобразить удивление.

– Наверное, твоя, – сказал Маркус, будто Марсела хоть раз использовала такой оттенок, что-то настолько вульгарное и пош...

– Кто она?

– Seriously, Марс...

– *Кто* она?! – потребовала Марсела, стиснув свои идеальные зубы.

Маркус наконец перестал есть, откинулся на спинку стула и посмотрел на жену.

– Никто.

– То есть ты трахаешься с призраком?

Он закатил глаза, откровенно устав от темы – какая ирония, а ведь Маркус обожал поговорить обо всем, что его касалось.

– Марсела, ревность тебе не к лицу.

– Двенадцать лет, Маркус. Двенадцать. И теперь ты не удержал член в штанах?

На его лице мелькнуло удивление, и на Марселу обрушилась горькая правда: ну конечно, муж не первый раз пошел налево. Просто впервые попался.

– И сколько это уже продолжается? – холодно поинтересовалась она.

– Оставь, Марс.

Оставить? Словно его измена – как вот этот бокал, мелочь, которая невзначай попалась под руку и которую так же легко можно отбросить.

И дело даже не в самом предательстве – Марсела была способна простить многое во имя той жизни, которую себе выстроила, – а во взглядах других женщин, тех самых взглядах, что она всегда принимала за завистливые. В постоянных предупреждениях остальных «первых жен», в их полуулыбках. Лишь теперь Марсела поняла: они все знали, знали уже бог знает сколько времени – а вот она нет.

«Оставь».

Марсела отставила бокал. И взяла нож для мяса. У мужа хватило наглости только фыркнуть в ответ. Будто Марсела не умела обращаться с ножом. Будто не слушала истории Маркуса, не просила рассказать поподробнее. Словно сам он не трепался о работе, когда выпивал. Словно Марсела не упражнялась потом на подушке. На пакете с мукой. На бифштексе.

– И что ты собираешься делать? – снисходительно поинтересовался Маркус, подняв бровь.

Как глупо, должно быть, она выглядела в его глазах: холеная красotka сжимает украшенную монограммой рукоять своими наманикюрными пальчиками.

– Куколка, – проворковал Маркус, и ярость всколыхнулась в груди Марселы.

Куколка. Детка. Дорогая. Это вот так он ее воспринимал, после всего, через что они прошли? Как нечто беспомощное, хрупкое, слабое, нечто *декоративное*, хрустальную фигурку, весь удел которой стоять на полке и красиво сиять?

Когда Марсела не отступила, взгляд Маркуса потемнел.

– Не хватайся за нож, если не собираешься его использовать...

Возможно, она и правда была хрустальной.

Но стекло хрупкое ровно до тех пор, пока его не разобьешь.

Дальше оно становится острым.

– Марсела...

Она бросилась на Маркуса и с удовольствием заметила, как глаза мужа чуть расширились от удивления. Он резко отпрянул, расплескав бурбон. Нож едва чиркнул по шелковому галстуку, а в следующий миг ладонь Маркуса с размаху впечаталась в лицо Марселы. Во рту появился вкус крови, на глаза навернулись слезы. Под звон тончайшего фарфора Марсела рухнула на дубовый стол.

Она не выпустила нож, но Маркус прижал ее запястье к столешнице с такой силой, что аж кости захрустели.

Он и ранее проявлял грубость, но всегда только в пылу страсти, в ответ на невысказанный сигнал – и этот сигнал неизменно подавала сама Марсела.

Но только не в этот раз.

Маркус являл собой девяносто килограммов чистой силы, зарабатывал на жизнь, ломая вещи. Ломая людей. Он досадливо прищелкнул языком – словно это Марсела повела себя глупо. Раздула из мухи слона. Сама его спровоцировала. Вынудила трахнуть другую женщину. Разрушить все, над чем сама же столько трудилась.

– Ах, Марс, ты всегда умела меня завести.

– Отпусти, – прошипела она.

Маркус склонился к ней вплотную, провел рукой по ее волосам и накрыл ладонью щеку.

– Если пообещаешь играть по правилам.

Он улыбался. Улыбался. Словно все это – очередная игра.

Марсела плюнула кровью ему в лицо.

Муж испустил долгий страдальческий вздох. А потом ударил ее головой об стол.

Мир взорвался белой вспышкой. Марсела не помнила, как упала, но, когда к ней вернулось зрение, она лежала на шелковом ковре рядом со стулом. Голова пульсировала. Марсела попыталась подняться, но комната накренилась. К горлу подступил ком, она перекатилась на бок. Ее вырвало.

– Тебе надо было остановиться, – заметил Маркус.

Кровь залила глаз, окрашивая столовую в алые тона. Внезапно муж опрокинул ближайший канделябр.

– Всегда их ненавидел.

Светильник еще не успел рухнуть на пол, а пламя по пути облизало шелковые занавески.

Марсела встала на четвереньки. Она двигалась с трудом, будто под водой. Медленно, слишком медленно.

Маркус стоял в дверях и смотрел. Просто смотрел.

Нож сверкал на паркете. Марсела потянулась к нему сквозь густой воздух. И уже почти достала, когда сзади на нее обрушился удар. Маркус опрокинул второй канделябр. Тяжелый светильник пригвоздил ее к полу.

Пламя распространилось с невероятной скоростью. С занавесок оно перекинулось на лужу разлитого бурбона, а оттуда на скатерть и ковер. Теперь огонь полыхал повсюду.

– А у нас неплохо получалось, Марс, – пробился сквозь морок голос Маркуса.

Заносчивый ублюдок. Будто *хоть что-то* из этого являлось его идеей, его заслугой.

– Ты без меня никто, – невнятно произнесла она. – Я тебя сделала, Маркус. – Марсела попыталась сдвинуть канделябр. Тщетно. – Я тебя и уничтожу.

– Люди много чего болтают перед смертью, милая. Я уже все это слышал.

Жар заполнил помещение, легкие, голову. Марсела закашлялась, но перевести дыхание никак не получалось.

– Я тебя *уничтожу*.

Ответа не последовало.

– Ты меня слышишь, Маркус?

Ничего, тишина.

– Я тебя уничтожу!

Марсела кричала, пока не сорвала горло, пока дым не заволок зрение. Собственный голос эхом отдавался в голове, последние мысли провожали Марселу все дальше, дальше, в темноту.

Я тебя уничтожу.

Я уничтожу.

Я...

* * *

Офицер Перри Карсон уже почти час не мог пройти двадцать седьмой уровень игры, когда раздался звук мотора. Перри поднял голову и увидел, как черный седан Маркуса Риггинса выезжает из крытого полукруга парковки у особняка.

Машина вылетела на дорогу, на добрых тридцать километров превышая допустимый в пригороде скоростной режим, но Карсон сидел не в патрульном экипаже, а даже если бы и так, то не для того последние три недели питался мерзким жирным фастфудом, чтобы арестовывать Риггинса за мелочовку.

Нет, полицейскому департаменту Мерита нужна рыбка покрупнее, а не один только Марк-Акула. Им хотелось накрыть все криминальное море.

Перри откинулся на потертое кожаное сиденье и вернулся к игре. И как раз одолел двадцать седьмой уровень, когда почуял дым.

Опять какой-то придурок развел костер без разрешения. Перри сощурился в окно – уже поздно, половина одиннадцатого, так далеко от Мерита небо совершенно черное, а на черном дым не рассмотреть.

Зато всполохи огня – запросто.

Офицер выскочил из своей машины и перебежал улицу. Пламя озарило окна особняка Риггинсов. Карсон на ходу набрал службу спасения. Входная дверь, слава богу, оказалась не заперта, и Перри распахнул ее, уже мысленно составляя рапорт.

Напишет, мол, дверь была приоткрыта, он услышал, как кто-то зовет на помощь – хотя на деле не слышал *ничего*, кроме треска горящего дерева и свиста пламени, что облизывало стены.

– Полиция! – крикнул Перри куда-то в дым. – Есть тут кто-нибудь?

Он видел, как Марсела Риггинс вернулась домой. Но не видел, чтобы она потом уезжала. Седан промчался быстро, но сомнений не оставалось – на пассажирском сиденье никого не было.

Перри закашлялся в рукав. Где-то вдалеке уже завывали сирены. Он знал, что должен вернуться на улицу, подождать снаружи, где воздух свежий, прохладный и безопасный.

Но потом завернул за угол и увидел тело, придавленное железкой размером с вешалку. Свечи растаяли, но Перри догадался, что это канделябр. Кто вообще держит в доме *канделябр*?

Карсон схватился за стержень, но тут же отдернул руку и выругался. Канделябр раскалился, металлические рожки уже прожгли платье Марселы там, где соприкасались с телом. Кожа покраснела и воспалилась, но женщина не плакала, не кричала.

Она вообще не шевелилась. Ее глаза были закрыты, висок блестел от крови, что сравнялась по цвету с черными волосами.

Перри попытался найти у нее пульс. Едва ощутимый трепет, казалось, угасал буквально под пальцами. Огонь все разгорался. Дым становился гуще.

– Черт, черт, черт, – бормотал Перри, оглядывая комнату под звук сирен.

Кувшин с водой опрокинулся на салфетку, и она уцелела. Перри обмотал ею руку, ухватился за канделябр и со всей силы потянул железный брус. Мокрая ткань зашипела, жар прошил пальцы. Перри как раз успел откатить канделябр с тела Марселы, когда в прихожей зазвучали голоса. В дом ворвались пожарные.

– Сюда! – прохрипел Карсон, задыхаясь от дыма.

Двое мужиков пробились сквозь марево за секунду до того, как потолок застонал и люстра обрушилась на обеденный стол. Он треснул, вспыхнул... Следующее, что запомнил Перри, – как его тащат прочь из комнаты и горящего дома в холодную ночь.

Следом бежал другой пожарный, перекинув через плечо безжизненное тело Марселы.

Тяжелые машины стояли прямо на аккуратно подстриженном газоне, огни «Скорой» отражались от сланцевой парковки.

Дом пылал, руки пульсировали от боли, легкие горели, но Перри на все это было плевать. Единственное, что его сейчас волновало, – жизнь Марсели Риггинс. Марсели, что всегда улыбалась и дерзко махала копам, когда те пытались сесть ей на хвост. Марсели, что никогда в жизни не донесла бы на своего нечистоплотного муженька.

Но судя по глубокой ране у нее на голове, горящему дому и спешному отъезду Маркуса, имелся шанс, что дамочка пересмотрит свою позицию. И Карсон не собирался упускать этот шанс.

Шланги выплевывали в огонь струи воды, Перри кашлял, но увернулся от предложенной кислородной маски. Двое медиков занесли Марселу в машину «Скорой» и уложили на носилки.

– Она не дышит, – сказал один, расстегивая ей платье.

Перри потрусил к ним.

– Пульса нет, – сообщил другой, начиная реанимацию.

– Так запустите его! – рявкнул Перри, заскакивая в карету «Скорой». Труп в качестве свидетеля не представишь.

– Сатурация падает, – сказал первый, закрывая рот и нос Марсели кислородной маской.

У нее была слишком высокая температура; медики принялись обкладывать виски, шею и запястья пострадавшей охлаждающими пакетами. Последний неохотно принял Карсон.

На маленьком экране появился пульс Марсели – ровная неподвижная линия.

Карета «Скорой» ехала прочь от места происшествия, горящий дом стремительно уменьшался в окне машины. Три недели Карсон просидел напротив особняка. Три года пытался накрыть банду Тони Хатча. Судьба предоставила идеального свидетеля, и будь Перри проклят, если сдастся без боя.

Третий медик попытался заняться обожженной рукой Карсона, но тот увернулся:

– Сосредоточьтесь на ней.

Сирены прорезали ночь, а бригада все пыталась втолкнуть воздух в легкие Марсели, заставить ее сердце биться. Раздуть жизнь из пепла.

Тщетно.

Марсела лежала на носилках обмякшая, безжизненная, и надежда Перри начала меркнуть, угасать.

А потом, где-то между двумя толчками, жутко неподвижная линия пульса дернулась, запнулась и наконец запищала.

Часть первая Возрождение

I

Четыре недели назад

Хэллоуэй

– Я два раза повторять не буду, – сказал Виктор Вейл, пока механик полз прочь от него по бетонному полу гаража. Словно эти пара метров что-то изменяют. Виктор медленно и уверенно шел следом, глядя, как мужчина загоняет себя в угол.

Джек Линден, сорок три года, пятичасовая щетина, грязь под ногтями и способность чинить вещи.

– Я тебе уже сказал, – ответил Линден и нервно подпрыгнул, когда уперся спиной в полу-собранный мотор. – Я это не могу...

– Не лги мне, – предупредил Виктор и сжал пистолет. Воздух затрещал от энергии.

Линден поежился и завопил:

– Не могу! Я чиню *машины*. Собираю *моторы*. Не людей. Машины – это просто. Болты, гайки, бензопроводы. С людьми все куда сложнее.

Виктор ему не поверил. Он никогда в это не верил. Да, люди чуть более запутанные, с кучей нюансов, но в целом те же механизмы. Они работают, не работают, выходят из строя и чинятся. Их *можно* починить.

Виктор закрыл глаза, оценивая поток внутри. Тот уже пронзал мышцы, прошивал кости, наполнял грудь. Не слишком приятно, но, когда поток достигнет пика, станет куда хуже.

– Клянусь, я бы помог тебе, если б умел, – забормотал Линден, но Виктор услышал, как механик заерзал. Как принялся на ощупь шарить по валяющимся на полу инструментам. – Верь мне... – Как взял в руку что-то металлическое.

– Верю, – ответил Виктор и распахнул глаза в тот момент, когда Линден бросился на него с гаечным ключом. На полпути механик вдруг замедлился, словно в патоку угодил, а Виктор поднял пистолет и выстрелил Линдену в голову.

Звук эхом прокатился по гаражу, срикошетил от бетона и стали. Механик рухнул.

Какое разочарование, подумал Виктор, глядя, как по полу расплзается лужа крови.

Он убрал пистолет в кобуру, повернулся, но успел сделать всего три шага, прежде чем его накрыла первая волна боли. Виктор споткнулся, ухватился за корпус машины, ощущая, как раздирает грудь.

Пять лет назад он смог бы просто повернуть внутренний выключатель, отрубить нервные окончания, заглушить все ощущения.

Но теперь выхода не было.

Нервы искрились, боль возрастала до невыносимых пределов, воздух гудел от энергии, над головой мигали лампы. Виктор потащился прочь от тела к широким металлическим дверям гаража. Попытался сосредоточиться на симптомах, свести их к фактам, статистике, измерениям и...

Поток прошил тело. Виктор содрогнулся, достал из пальто черную капю, всунул ее меж зубов за миг до того, как подломилась нога. Тело вышло из-под контроля.

Виктор сражался, сражался как всегда, но пару секунд спустя оказался на спине. Мышцы свело спазмом, сердце загнулось, сбилось с ритма...

И он умер.

II

Пять лет назад

Кладбище Мерита

Виктор открыл глаза в холодной грязной могиле. Наверху маячила подсвеченная луной белобрысая голова Сидни.

Его первая смерть была жестокой: мир сузился до холодного металлического стола, жизнь превратилась в неукротимо вздымающийся поток, все нервные окончания искрились, пока Виктор не сломался, не рухнул в тяжелое тягучее ничто. Агония тянулась мучительно долго, а вот сама смерть произошла мгновенно. Весь воздух и энергия разом вылетели из легких – а минуту спустя Виктор опять вынырнул на поверхность, пока тело разрывалось от боли.

Вторая смерть оказалась страннее. Никакого всплеска электричества, ни нарастающей боли: задолго до конца он отрубил все чувства. Осталась лишь расплывающаяся лужа крови под коленями, давление меж ребер, куда Эли вонзил нож, и темнеющий мир. Жизнь ускользала от Виктора, а он проваливался в смерть плавно, точно в сон.

А потом – пустота. Время превратилось в единую неделимую секунду. Хор абсолютной тишины. Бесконечность. А потом этот идеальный миг был нарушен. Словно камешек в пруд бросили.

И Виктор вернулся. Задышал. Ожил.

Он сел, а Сидни обвила его своими тонкими ручками. Так они и замерли – оживший труп и девочка, стоящая на коленях у гроба.

– Получилось? – шепотом спросила она. Виктор понял, что Сидни имеет в виду не само воскрешение. У нее никогда не получалось оживить ЭО без последствий. Они возвращались, но возвращались неправильными, их способности искажались. Виктор осторожно прощупал линии своей силы в поисках истончившихся участков, пробелов, но все казалось неизменным. Нетронутым. Целым.

Потрясающее ощущение.

– Да, – ответил он. – Получилось.

Рядом с могилой возник Митч. Бритая голова блестела от пота, татуированные руки были измазаны в грязи.

– Привет. – Он бросил лопату в траву и помог выбраться сперва Сидни, а затем и Виктору.

Дол выразил свою радость, тяжело привалившись к боку Виктора. Пес в безмолвном приветствии ткнулся крупной головой ему в ладонь.

Последний член их компании скорчился у надгробного камня. Доминик сильно смахивал на наркомана, его зрачки были расширены от... чего он там принял, чтобы заглушить неотвязную боль. Виктор чувствовал нервы солдата, истонченные и искрящие, точно оборванные провода.

Они заключили сделку: Доминик согласился помогать им в обмен на прекращение страданий. В отсутствие Виктора бедняга явно не мог сдержатъ слово. Теперь же Виктор выключил его боль, как иные люди выключают свет. Доминик мгновенно обмяк, напряжение сползло с его лица, точно пот.

Виктор взял лопату и протянул ему:

– Поднимайся.

Тот подчинился, размял плечи и встал на ноги. Затем все вчетвером принялись закапывать могилу Виктора.

* * *

Два дня.

Именно столько Виктор был мертв.

До тревожного долго. Так долго, что уже начали проявляться первые признаки разложения. Прочим, двум мужчинам, девочке и псу, пришлось скрываться у Доминика в ожидании, когда же Виктора похоронят.

– Жилье так себе, – предупредил Дом, открывая входную дверь, и не соврал: крохотная обшарпанная спальня с продавленным диваном, бетонный балкон, кухня, равномерно покрытая тонким слоем грязной посуды, но все это подходило под временное решение долгосрочной дилеммы, а Виктор был не в том состоянии, чтобы размышлять о будущем, по крайней мере не с кладбищенской землей на брюках и привкусом смерти во рту.

Нужно принять душ.

Дом провел его в спальню, узкую и темную. На единственной книжной полке валялись медали и перевернутые фотографии, а на подоконнике – слишком много пустых бутылок.

Солдат откопал чистую футболку с длинным рукавом и логотипом какой-то группы. Виктор вопросительно поднял бровь.

– У меня больше ничего черного нет, – пояснил Дом, включил свет в ванной и ушел, оставив гостя одного.

Виктор разделся, стащил с себя одежду, в которой его похоронили – одежду, что он не узнавал, не покупал, – и встал перед зеркалом, разглядывая обнаженный торс и руки.

Нельзя было сказать, будто он обошелся без шрамов – вовсе нет, но ни один из них не относился к той памятной ночи в «Фалкон прайс». В голове загремело эхо выстрелов, рикошета от недостроенных стен и скользкого от крови бетонного пола. Частично она принадлежала самому Виктору, но по большей части Эли. Виктор помнил каждую нанесенную тогда рану – удары в живот, иссеченные проволокой запястья, нож Эли между ребер, – но от них не осталось и следа.

Сидни обладала поистине исключительным даром.

Виктор повернул вентиль и шагнул под обжигающие струи, смывая с кожи смерть. Прощупал линии силы, сфокусировался на внутренних ощущениях, как начал делать давным-давно, когда только угодил в тюрьму. Изоляция не позволяла тестировать новообретенные силы на других, поэтому Виктор превратил собственное тело в объект для опытов, изучал все, что только можно, про границы боли, замысловатую сеть нервов. Теперь же он сосредоточился и повернул рубильник сначала вниз, пока не исчезли все ощущения, а потом вверх, пока падающие на обнаженную кожу капли не превратились в ножи. Виктор стиснул зубы и вернул переключатель в обычное положение.

Затем прикрыл глаза, уперся лбом в плиточную стену и улыбнулся, слыша в голове голос Эли.

«Тебе не победить».

Однако же он победил.

* * *

В квартире было тихо. Доминик стоял на узком балконе и курил сирагету. Сидни свернулась на диване, аккуратно, точно лист бумаги. На полу у ее ног примостился Дол, положив морду ей на руку. За столом сидел Митч, раз за разом тасуя колоду карт.

Виктор оглядел их всех.

«По-прежнему собираешь бродяг».

– Что теперь? – спросил Митч.

Два коротких слова. Никогда еще они не казались такими весомыми. Последние десять лет Виктор жил мезтью. Он никогда не задумывался, чем займется дальше, но теперь, достигнув цели – Эли гнил за решеткой, – замер в нерешительности. Он здесь. Он жив. Мезть была для него всепоглощающей гонкой. Теперь она исчезла и оставила ощущение неуверенности, незавершенности.

Что теперь?

Он мог их всех бросить. Исчезнуть. Это самое разумное решение: компания, особенно такая странная, неизменно бросается в глаза, а вот одиночка – нет. Талант Виктора позволял ему отвлекать внимание окружающих, воздействовать на их нервы так, что возникало слабое, но действенное отвращение. Стелл верил, будто Виктор Вейл мертв и лежит в могиле.

Виктор знал Митча шесть лет.

Сидни – шесть дней.

Доминика – шесть часов.

Каждый из компаньонов грузом висел на ногах Виктора. Лучше скинуть их, освободиться.

Так уйди, подумал он. Однако не двинулся в сторону двери.

Доминик не проблема. Они едва знакомы, их свели только необходимость и обстоятельства.

Другое дело Сидни. Виктор нес за нее ответственность. С того самого момента, как убил Серену. Никакой сентиментальности – обычные части уравнения. Коэффициент, что перешел с одной доли на другую.

А Митч? Митч, по собственному заверению, проклят. Лишь вопрос времени, когда здоровяк снова угодит в тюрьму. Скорее всего, в ту, из которой и сбежал вместе с Виктором. Для Виктора. И пусть они знакомы меньше недели, Митч никогда не бросит Сидни. Да и та вроде как привязалась к здоровяку.

Ну и конечно, оставался Эли.

Да, он сидел за решеткой, но оставался в живых. С этим Виктор ничего не мог поделать, учитывая способности Эвера к исцелению. Но если Эли когда-либо выйдет на свободу...

– Виктор? – окликнул Митч, словно чуя, какой оборот приняли его мысли.

– Мы уезжаем.

Митч кивнул, не в силах скрыть облегчение. Он всегда был открытой книгой, даже в тюрьме. Сидни потянулась, ее синие глаза уставились на Виктора в темноте. Похоже, девочка не спала.

– Куда мы отправимся? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Но здесь оставаться нельзя.

В комнату вернулся Доминик, неся с собой холодный воздух и запах дыма.

– Уезжаете? – встревоженно переспросил солдат. – А как же наша сделка?

– Расстояние не проблема, – ответил Виктор. Не совсем так: когда Доминик окажется вне поля зрения, Виктор не сможет *менять* установленный порог. Но сам эффект *должен* остаться. – Наш договор в силе, пока ты на меня работаешь.

– Что угодно, – поспешно кивнул Доминик.

– Раздобудь нам новую машину, – обратился Виктор к Митчу. – Хочу покинуть Мерит к рассвету.

Так и вышло.

Два часа спустя, когда первые лучи солнца прорезали небо, Митч подкатил к зданию на черном седане. Дом стоял на пороге и, скрестив руки, наблюдал, как Сидни вместе с Долом забирается на заднее сиденье. Виктор занял место рядом с водительским.

– Уверен, что в порядке? – спросил у него Митч.

Виктор посмотрел на свои руки, размял пальцы и ощутил покалывание энергии под кожей. Если на то пошло, он чувствовал себя сильнее. Его талант стал чище, яснее, четче.

– Лучше, чем прежде.

III

Четыре недели назад

Хэллоуэй

Виктор вернулся к жизни на холодном бетонном полу.

Несколько мучительных секунд разум оставался пуст, мысли разбегались. Словно очнуться после жесткого прихода. Виктор попытался выцепить что-то логичное, упорядоченное, рассортировать ощущения – медный привкус по рту, запах бензина, тусклый свет фонарей сквозь потрескавшиеся оконные стекла – и наконец понял, где находится.

В гараже механика.

Тело Джека Линдена темной массой валялось в обрамлении разбросанных инструментов.

Виктор вытащил изо рта капу и сел, непослушными руками выуживая из кармана сотовый. Митч снабдил телефон самодельным устройством защиты от перенапряжения. Оно сгорело, но сотовый уцелел. Виктор включил телефон.

От Доминика пришло короткое сообщение:

«3 минуты, 49 секунд».

Отрезок времени, пока Виктор оставался мертв.

Он тихо выругался.

Слишком долго. Чересчур долго.

Смерть опасна. Каждая лишняя секунда без кислорода, без кровоснабжения наносила все больший вред. Органы могли функционировать еще несколько часов, но мозг вещь хрупкая. В зависимости от человека, от характера травмы, врачи считали, что гибель мозга наступает через четыре, пять, реже шесть минут. Виктор не собирался испытывать судьбу.

Но игнорировать мрачную статистику тоже не получалось.

Виктор умирал все чаще. Смерти становились все дольше. А урон... Виктор посмотрел вниз, увидел на полу следы от электрических разрядов и осколки стекла от разбившихся ламп.

Он встал и ухватился за ближайшую машину, пока помещение не перестало шататься. По крайней мере чертов гул исчез, и на смену ему пришла благословенная тишина – правда, ее почти тут же пререзал резкий сигнал телефона.

Митч.

Виктор сглотнул, чувствуя привкус крови.

– Я возвращаюсь.

- Линдена нашел?
- Да. – Виктор оглянулся на тело. – Но не сработало. Начинай искать новую цель.

IV

Пять лет назад

Першинг

Гул начался две недели спустя после воскрешения.

Поначалу он едва ощущался – легкое жужжание, настолько тихое, что Виктор списывал его на неисправную лампу, звук мотора, бормотание телевизора в соседней комнате. Но гул не прекращался.

Почти месяц спустя Виктор поймал себя на том, что стоит посреди вестибюля гостиницы и оглядывается в попытках отыскать источник звука.

- Что такое? – спросила Сидни.
- Ты тоже это слышишь?
- Что слышу? – недоуменно нахмурилась она.

Сидни явно спрашивала не о шуме, а интересовалась, что же отвлекло Виктора.

– Ничего, – покачал головой он и повернулся обратно к стойке.

– Мистер Стокбридж, – обратилась к нему администратор, – вы сняли номер на ближайšie три ночи. Добро пожаловать в отель «Плаза».

Они нигде подолгу не задерживались, кочевали из города в город, иногда останавливались в отелях, иногда снимали квартиры. Никогда не путешествовали по прямой, не соблюдали даже подобия регулярности.

- Как желаете расплатиться?
- Наличными, – ответил Виктор, доставая из кармана бумажник.

Они не испытывали проблем с деньгами – согласно Митчу, это была лишь последовательность из единиц и нулей, виртуальный счет в вымышленном банке. У громилы появилось новое любимое хобби: собирать мелкие суммы, отщипывать по несколько пенни от каждого доллара и хранить прибыль на куче счетов. Вместо того чтобы стирать следы преступления, Митч оставлял их слишком много, чем весьма усложнял поиски. Результатом становились большие комнаты, мягкие кровати и пространство – все то, по чему Виктор так скучал в тюрьме.

Звук стал выше.

– Ты в порядке? – спросила Сид, глядя на Виктора. Она наблюдала за ним с самого кладбища, подмечала каждый жест, каждый шаг, словно Виктор мог вдруг сломаться и рассыпаться в прах.

– Да, – солгал он.

Однако гул не отпускал его ни в лифте, ни в номере, элегантном помещении с двумя спальнями и диваном. С ним Виктор лег, с ним же и проснулся. Гул изменился, превратился из одного только звука в ощущение. Конечности вдруг стало слегка покалывать. Не болезненно, однако неприятно. Настойчиво. Гул преследовал, становился все громче, сильнее, пока, в порыве раздражения, Виктор не отрубил все чувства и не погрузился в оцепенение. Покалывание исчезло, но гул стих до отдаленного потрескивания статики. Того, что почти удавалось игнорировать.

Почти.

Виктор сел на краю постели, чувствуя себя измотанным, больным. И это при том, что даже вспомнить не мог, когда последний раз болел! Но с каждой минутой становилось все хуже. Наконец он поднялся, пересек номер и взял пальто.

– Куда идешь? – спросила Сидни, что устроилась на диване с книгой в руках.

– Подышать хочу, – ответил Виктор уже с порога.

Он был на полпути к лифту, когда она его настигла.

Боль.

Явилась из ниоткуда, пронзила грудь точно острый нож. Виктор ахнул и схватился за стену, пытаясь удержаться на ногах. Накатил второй приступ, внезапный, жестокий, невозможный. Рубильник оставался выключен, нервы заглушены, но боли, похоже, было все равно. Словно нечто перекрыло талант Виктора, оказалось сильнее его мощи, его воли.

Лампы ослепительно сияли, перед глазами поплыло, коридор накренился. Виктор с трудом миновал лифт, двинулся к лестнице, но едва миновал дверь, как тело вновь прошила боль, колено подломилось и тяжело ударилось о бетон. Виктор попытался встать, но мышцы свело, сердце запнулось, и он рухнул на пол.

Стиснув зубы, Виктор сражался с болью. Ничего подобного он не испытывал уже долгие годы. Десять лет, если быть точнее. С той лаборатории, с ремня в зубах, с холодного металлического стола, дикой агонии потока, что сжег нервы, разорвал мышцы, остановил сердце.

Нужно двигаться.

Но Виктор не мог встать. Не мог говорить. Не мог дышать. Невидимая рука поворачивала рубильник выше, выше и выше, пока наконец все не погрузилось в благословенную черноту.

* * *

Виктор очнулся на лестничной площадке.

Первое, что он ощутил: облегчение. Облегчение, что мир наконец стих, а чертов гул заткнулся. Второе: Митч трясет его за плечо. Виктор перекатился на бок и вытошнил из себя желчь, кровь и дурные воспоминания.

Лампы перегорели, но даже в темноте он сумел различить облегчение на лице Митча.

– Иисусе, – выдохнул громила и отпрянул. – Ты не дышал. Пульса не было. Я уж решил, ты умер.

– Похоже, так и случилось, – ответил Виктор, вытирая губы.

– В смысле? Что произошло?

Виктор медленно покачал головой:

– Не знаю.

Виктор не любил чего-то не знать и уж точно не любил в этом сознаваться. Он встал и оперся о стену. Какой идиот, ну зачем было отрубать ощущения? Следовало изучить прогресс симптомов. Замерить эскалацию. Понять то, что, видимо, поняла Сидни: он поврежден, если не вовсе сломлен.

– Виктор, – начал Митч.

– Как ты меня нашел?

Здоровяк протянул ему телефон.

– Доминик позвонил. Разорался, мол, ты убрал заслонку, и ему стало так же хреново, как когда ты умер. Я попытался набрать тебя, но ты не ответил. Я шел к лифту и тут заметил, что на лестнице перегорели лампы. – Он покачал головой. – Стало не по себе...

Телефон снова ожил. Виктор забрал его у Митча и ответил.

– Доминик...

– Не смей так со мной обращаться, – оборвал его солдат. – Мы же договорились!

– Я не специально, – медленно произнес Виктор, но Доминика несло.

– Только все было нормально – и вдруг я падаю на четвереньки и стараюсь не отрубиться. Никакого предупреждения, мне нечем заглушить боль. Ты не представляешь, каково это...

– Уж поверь, представляю, – сказал Виктор, запрокинув голову и прижавшись затылком к бетонной стене. – Но теперь ты в порядке?

Судорожный вздох.

– Да, я снова в норме.

– Сколько это длилось?

– В смысле? Откуда мне знать? Как-то не до того было, чтоб на часы смотреть.

Виктор вздохнул и зажмурился.

– В следующий раз обрати внимание.

– В следующий?!

Но Виктор уже повесил трубку. Он открыл глаза и увидел, что Митч за ним наблюдает.

– Это уже случилось... до?

До. Виктор понимал, о чем речь. В ту ночь, в лаборатории, жизнь поделилась на две части. До, когда он был простым человеком. И после, когда стал ЭО. Воскрешение раскололо ее еще раз. До – ЭО. После – вот это. Дело рук Сидни. Неумолимый изъян ее таланта, трещина в его силе. Все-таки Виктор не избежал общего правила, просто закрыл глаза на очевидное.

Митч выругался и провел руками по голове.

– Надо ей рассказать.

– Нет.

– Она все равно узнает.

– Нет, – повторил Виктор. – Пока не надо.

– А когда?

Когда Виктор поймет, что происходит и как это исправить. Когда помимо проблемы будет план и решение.

– Когда это станет критично.

Плечи здоровяка поникли.

– Может, больше не повторится, – предположил Виктор.

– Может, – согласился Митч.

Впрочем, ни один из них в это не поверил.

V

Четыре с половиной года назад

Фултон

Это случилось снова.

И снова.

Три эпизода за неполные шесть месяцев, промежуток между инцидентами становился все короче, а время смерти все длиннее. Именно Митч настоял на том, чтобы Виктор проконсультировался со специалистом. Митч нашел доктора Адама Портера, невысокого человечка с хищным профилем и репутацией одного из лучших неврологов в стране.

Виктор никогда не любил докторов.

Даже тогда, когда сам учился на врача. Он никогда не испытывал желания спасти пациентов. Медицина привлекала его с точки зрения знаний, авторитета, контроля. Виктору хотелось держать скальпель, а не лежать под ним.

А теперь он сидел в кабинете Портера, поздним вечером, и гул в черепе как раз начал переходить в покалывание. Конечно, большой риск дожидаться метастазов приступа, но постановка верного диагноза требует четких симптомов.

Виктор уставился на анкету пациента. Описать симптомы можно, а вот выдать детали... куда опаснее. Виктор отложил пустую анкету, даже не потрудившись вынуть ручку.

Доктор вздохнул:

– Мистер Мартин, вы прилично заплатили за мои услуги. Предлагаю грамотно ими воспользоваться.

– Я прилично заплатил за приватность.

Портер покачал головой и сплел пальцы.

– Что ж, хорошо. В чем заключается ваша проблема?

– Я не совсем уверен. У меня случаются приступы.

– Какого рода приступы?

– Неврологического, – ответил Виктор, балансируя между ложью и недомолвками. – Все начинается со звука, гула в черепе. Он становится все громче, пока не начинает отдаваться в костях. Своего рода волны.

– А потом?

Я умираю, подумал Виктор.

– Я теряю сознание.

Доктор нахмурился.

– И давно у вас эти приступы?

– Пять месяцев.

– Вы перенесли какую-то травму?

«Да».

– Насколько знаю, нет.

– Что-то поменяли в жизни?

– Нет.

– Слабость в конечностях присутствует?

– Нет.

– Аллергии на что-либо?

– Нет.

– Может, какие-то специфические триггеры? Мигрень может быть реакцией на кофеин, свет, стресс, недостаток...

– Мне плевать на причину, – оборвал его Виктор, теряя терпение. – Я просто хочу знать, что происходит и как это исправить.

Доктор сел прямее.

– Тогда давайте проведем кое-какие исследования.

* * *

Виктор наблюдал за линиями на мониторе; диаграмма сильно смахивала на запись толчков перед землетрясением. Портер подсоединил к его скальпу дюжину электродов и теперь тоже смотрел на энцефалограмму, недоуменно хмурясь.

– Что не так? – спросил Виктор.

Доктор покачал головой:

– Уровень активности аномальный, однако признаков эпилепсии нет. Видите, как близко собираются линии? – постучал он по экрану. – Уровень нервного возбуждения такой, будто у вас слишком высокая проводимость... переизбыток электрических импульсов.

Виктор изучающе посмотрел на линии. Может, ему показалось, но те взмывали и опадали в такт гулу в черепе, пики становились все чаще вместе с нарастающим жужжанием.

Портер прервал исследование.

– Мне нужна более полная картина, – заявил он, снимая электроды со скальпа Виктора. – Давайте сделаем МРТ.

Комната была пуста, лишь сканер по центру – стол, которому предстояло заехать в механический туннель. Виктор медленно лег на него, пристроив голову в небольшое углубление.

Портер закрепил голову пациента на месте специальным каркасом. Стол с металлическим гулом двинулся внутрь, комната исчезла, сменившись слишком низким «потолком» машины. Сердце Виктора ускорилося.

Он услышал удаляющиеся шаги доктора, щелчок двери, а потом через интерком донесся голос:

– Не двигайтесь.

Где-то с минуту ничего не происходило. А потом устройство принялось издавать низкий отрывистый звук, в котором потонул не только гул в черепе, но и вообще все.

Машина стучала, жужжала; Виктор попытался считать секунды, как-то замерить время, но сбился. Минуты уплывали прочь, забирая с собой крупницы контроля. Вибрация снова растеклась по костям, первые искры боли – боли, что Виктор не мог затушить, – заплясали по коже.

– Остановите процедуру, – попросил он, но машина поглотила слова.

– Мы почти закончили, – сообщил по интеркому Портер.

Виктор отчаянно старался выровнять дыхание, но тщетно. Сердце гроыхало. В глазах двоилось. Жуткий гул становился все громче.

– Остановите...

Поток, яркий и ослепительный, прошел Виктора. Он вцепился в края панели; тело накрыла первая волна боли. В памяти всплыл образ Анджи у электрической панели.

– Я хочу, чтобы ты знал, – заявила она, начиная закреплять датчики у него на груди, – что я никогда и ни за что тебе этого не прощу.

Взвыла сирена.

Сканер застонал, содрогнулся, остановился.

Портер был где-то по ту сторону машины, что-то торопливо говорил низким голосом. Стол начал выезжать. Виктор схватился за удерживающие голову путы, ощутил, как они спали. Нужно встать. Нужно...

Поток прошел его снова, да такой сильный, что комната разлетелась на фрагменты – кровь во рту, запинаящееся сердце, Портер, ослепительно-белый луч света, чей-то придушенный крик – а потом все стерла боль.

* * *

Виктор очнулся на столе.

Лампы аппарата МРТ не горели, вход разукрасили следы ожогов. Виктор сел, борясь с головокружением, и постепенно смог сфокусироваться. Чуть поодаль лежал Портер, весь скрюченный, будто в спазме. Не было нужды щупать пульс или проверять пустые нервы доктора. Он умер.

Перед глазами встал другой образ – другая лаборатория, и тело Анджи, такое же неестественно изогнутое.

Дерьмо.

Виктор поднялся и оценил картину. Тело. Разрушение.

Теперь, когда все осталось позади, к нему вернулось обычное спокойствие и хладнокровие. Словно затишье после бури. Миг покоя перед тем, как ненастье вернется с новой силой. А оно вернется, это лишь вопрос времени, что значит: следует ценить каждую секунду.

Рядом с рукой Портера лежал шприц. Виктор спрятал его себе в карман и вышел в холл, где оставил пальто. Только достал мобильник, как пришло сообщение от Доминика:

«1 минута 32 секунды».

Виктор глубоко вздохнул и оглядел пустой офис.

Затем вернулся в смотровую и собрал все записи и снимки. В кабинете Портера Виктор уничтожил все данные о приеме, включая электронные, порвал бумагу, на которой доктор делал заметки, и ту, что находилась под ней, – для верности. В общем, методично убрал все следы своего пребывания в здании.

Все, кроме трупа.

С ним ничего поделать было нельзя, разве что устроить пожар. Виктор прикинул такой вариант, но в итоге его отбросил. Огонь вещь капризная, непредсказуемая. Пусть лучше все остается как есть – сердечный приступ, несчастный случай.

Виктор надел пальто и вышел.

В номере Сидни и Митч валялись на диване и смотрели какое-то старое кино. У их ног растянулся Дол. Митч встретился взглядом с Виктором, вопросительно поднял брови, и тот едва уловимо покачал головой.

Сидни скатилась с дивана.

– Где ты был?

– Ходил поразмяться.

Сид нахмурилась. За последние пару недель ее взгляд из тревожного стал более скептическим.

– Тебя несколько часов не было.

– А прежде я несколько лет проторчал взаперти, – парировал Виктор, наливая себе выпить. – После такого сложно усидеть на месте.

– Вот и мне тоже, – поддакнула Сидни. – Поэтому Митч и придумал для нас карточную игру. – Она повернулась к здоровяку: – А почему бы Виктору не сыграть?

Виктор поднял бровь и отпил из стакана.

– А что за правила?

Сидни взяла колоду со стола.

– Если вытягиваешь числовую, то сидишь дома и что-то учишь, но если попалась картинка – можно выйти на улицу. В основном в парк или в кино, но все равно лучше, чем торчать взаперти.

Виктор остро глянул на Митча, но тот лишь пожал плечами и пошел в ванную.

– Попробуй, – предложила Сид, протягивая колоду. Виктор на миг задумался, поднял руку... но вместо того, чтобы вытянуть карту, выбил их все из ладони Сид. Цветные прямоугольники разлетелись по полу. Затем Виктор присел на корточки, выбирая ту, что понравится. – Эй! – воскликнула Сид. – Так нечестно.

– Ты не уточняла, чтобы я играл честно. – Он выбрал короля пик и протянул ей: – Держи. Храни у себя в рукаве.

Сидни долго смотрела на карту, а потом спрятала ее за секунду до возвращения Митча. Здоровяк перевел взгляд с Виктора на Сид и обратно.

– Что у вас тут происходит?

– Ничего, – тут же отозвалась Сидни. – Виктор просто меня дразнит.

Стало даже не по себе от того, как легко она солгала.

Сид вернулась на диван, Дол пристроился рядом с ней, а Виктор вышел на балкон. Несколько минут спустя дверь за его спиной открылась, и к нему присоединился Митч.

– Ну как? Что сказал Портер?

– У него не нашлось ответов.

– Значит, найдем кого-то другого, – заключил Митч.

Виктор кивнул.

– Скажи Сид, что утром мы уезжаем.

Митч скользнул обратно в комнату. Виктор поставил стакан на перила, достал из кармана шприц и прочитал этикетку. Лоразепам. Противосудорожное. Виктор надеялся узнать диагноз, найти лекарство, но пока хотя бы обнаружил способ купировать симптомы.

* * *

– Обычно я не принимаю пациентов после работы.

Виктор сидел за столом напротив молодого врача. Она была стройной, темнокожей, за стеклами очков сверкали добрые глаза. Но какое бы любопытство или подозрения ее ни мучили, доктор работала в Кэпстоуне, городе с мощными правительственными связями. В таких местах царили конфиденциальность и осмотрительность. А длинный язык мог стоять не только карьеры, но и жизни.

Виктор подвинул к врачу пачку банкнот:

– Спасибо, что сделали исключение.

Она взяла деньги и глянула на те несколько строк, что он написал в анкете.

– Чем могу помочь, мистер... Ласситер?

Пытаясь сосредоточиться сквозь нарастающий гул в голове, Виктор слушал, как врач задает те же вопросы, и давал те же ответы. Перечислил симптомы – шум, боль, конвульсии, потеря сознания, – опуская то, что можно, привирая там, где придется. Доктор что-то нацарапала в блокноте и задумалась.

– Это может быть эпилепсия, миастения гравис, дистония – иногда сложно четко диагностировать неврологические расстройства, если симптомы пересекаются. Мы проведем несколько тестов...

– Нет.

Доктор подняла глаза от записей:

– Но без точной картины...

– Я уже делал анализы. Результаты были... неубедительными. Я пришел узнать, что вы бы порекомендовали.

Доктор Клейтон села прямее.

– Я не даю рекомендаций, не поставив диагноз, и не ставлю его без четкой картины болезни. Без обид, мистер Ласситер, но одних ваших слов недостаточно.

Виктор выдохнул и подался вперед. А заодно потянулся к доктору – не буквально, но с помощью своих сил, надавил, не переходя грань боли. Легкий дискомфорт, то, что вынуждало незнакомцев отшатываться, а самому Виктору помогало незамеченным продвигаться сквозь толпу. Вот только Клейтон бежать было некуда, и дискомфорт она восприняла как то, чем он, собственно, являлся, – как угрозу. Сражайся-или-беги, хищник и добыча, вот так просто и примитивно.

– В этом городе множество нечистых на руку докторов, – начал Виктор. – Но их уступчивость зачастую обратно пропорциональна их знаниям. Поэтому я здесь. С вами.

Клейтон сглотнула, но заговорила твердо:

– При неправильном диагнозе лечение может скорее навредить, чем помочь.

– Я готов рискнуть.

Доктор испустила судорожный вздох и тряхнула головой, словно проясняя мысли.

– Я бы порекомендовала противосудорожные и бета-блокаторы. – Ее ручка запорхала над бумагой. – Для чего-то помощнее вам придется пройти обследование, – заключила она, вырывая листок.

Виктор взял у нее бумагу и встал.

– Спасибо, доктор.

Два часа спустя он вытряхнул на ладонь таблетки и проглотил их насухую.

Вскоре его сердце стало биться медленнее, жужжание притихло, и Виктор решил, что, возможно, нашел ответ. Две недели ему было легче.

А потом он снова умер.

VI

Четыре недели назад

Хэллоуэй

Виктор опаздывал и знал это.

С Линденом пришлось повозиться дольше, чем предполагалось, – ждать, пока все остальные разойдутся и он останется в гараже один. А потом, конечно, дожидаться неминуемой смерти и проследить, чтобы она не последовала за ним туда, где они жили последние девять дней. Съёмный дом, еще одно из тех мест для краткосрочного пребывания, которые можно забронировать на день, неделю или месяц.

Его выбрала Сидни, сказала, мол, он похож на настоящий *дом*.

Внутри Виктора встретил аромат плавленого сыра и грохот взрыва, что донесся с экрана большого телевизора. Сидни примостилась на подлокотнике дивана, бросая кусочки попкорна Долу, а Митч согнулся у кухонной стойки, расставляя свечи на шоколадном торте.

Это выглядело таким невероятно... нормальным.

Первым его возвращение заметил пес, чей хвост заметался по деревянному полу.

Митч озабоченно глянул на Виктора, но тот лишь отмахнулся.

– Привет, – обернулась через плечо Сидни.

Прошло пять лет, а Сидни Кларк почти не изменилась. Такая же хрупкая, невысокая, круглолицая и круглоглазая, как в день их встречи на дороге. В основном отличия были поверхностными – она сменила радужные легинсы на черные с маленькими белыми звездами, а светлые волосы постоянно прятала под париками, меняя их под настроение. Сегодня вечером Сид выбрала бледно-голубой, того же оттенка, что и ее глаза.

И в то же время Сидни изменилась куда больше, чем кто-либо из них. Тембр голоса, немигающий взгляд, то, как она закатывала глаза, – Сид явно обзавелась этой привычкой в попытке подчеркнуть свой неочевидный возраст. Телом ребенок, по поведению – тинейджер.

Она глянула на пустые руки Виктора, и он прочел в ее глазах вопрос: «Неужели забыл?»

– С Днем рождения, Сидни, – сказал Виктор.

Эта череда ее дней рождения в его жизни казалась такой странной. Каждый год отмечал не только возраст, но и время, которое девочка пробыла с ним. С ними.

– Я зажгу свечи? – спросил Митч.

Виктор покачал головой и двинулся в коридор:

– Дай мне пару минут переодеться.

Он закрыл за собой дверь и пересек спальню, не зажигая свет. На самом деле, обстановка ему не подходила – голубые и белые подушки, пасторальная картина на стене, книги на полке, больше для украшения, чем для чтения. Последнему он, по крайней мере, нашел применение. Неплохая историческая книга лежала открытой, в центре покоился черный маркер. В данный момент левая страница была полностью затемнена, вплоть до последней строки, как будто Виктор искал слово и еще не нашел его.

Он скинул пальто и пошел в ванную, закатывая рукава. Включил кран и брызнул водой на лицо; белый шум крана вторил статическому электричеству, что уже вновь зарождалось в черепе. Теперь тишина измерялась минутами, а не днями.

Виктор провел рукой по своим коротким светлым волосам и всмотрелся в отражение: голубые глаза казались волчьими на изможденном лице.

Он терял вес.

Виктор всегда был худым, но теперь, когда поднял подбородок, свет упал ото лба и скул, и вдоль челюсти, во впадине меж ключицами, залегли тени.

Вдоль задней части раковины выстроился небольшой ряд бутылочек с таблетками. Он потянулся к ближайшему и вытряхнул валиум на ладонь.

Виктор никогда не увлекался наркотиками.

Несомненно, предполагаемый побег от реальности имел некоторую привлекательность, но Виктор никогда не мог смириться с потерей *контроля*. Когда он впервые купил наркотики в Локленде, то вовсе не ради экстаза. Виктор просто пытался покончить с собой, чтобы вернуться кем-то *лучше*.

«Какая ирония», – подумал он и проглотил таблетку.

VII

Четыре года назад

Дрезден

Виктор не проводил много времени в стрип-клубах.

Он никогда не понимал их привлекательности – его не возбуждали полуголые тела, извивающиеся маслянистые формы, – но Виктор пришел в «Стеклянную башню» не потехи ради.

Он искал совершенно определенного человека.

Пока Виктор осматривал клуб, стараясь не вдыхать облако из духов, дыма и пота, чья-то ухоженная рука погладила его по спине.

– Привет, милый, – раздался тягучий голос. Виктор бросил косой взгляд и увидел темные глаза и ярко-красные губы. – А я бы смогла тебя развеселить.

Вот уж вряд ли. Виктор много чего желал – власти, мести, контроля, – но секс никогда не входил в список. Даже с Анджи... Разумеется, Виктор хотел ее, хотел внимания, преданности, даже любви. Он заботился о ней, нашел бы способы ее порадовать – и, возможно, сам бы получил от этого удовольствие, – но секс тут был ни при чем.

Танцовщица оглядела Виктора с ног до головы, ошибочно приняв его незаинтересованность за стеснение или, возможно, предположив, что он не по девочкам.

Он убрал ее руку.

– Я ищу Малкольма Джонса.

Самозванный предприниматель, специализирующийся на незаконных вещах. Оружие. Секс. Наркотики.

Танцовщица вздохнула и указала на красную дверь в глубине клуба:

– Внизу.

Виктор почти дошел туда, когда в него врезалась маленькая блондинка. Он протянул руку, чтобы помочь ей выровняться, а девушка с певучим акцентом залепетала извинения. Их глаза встретились, и что-то мелькнуло на ее лице, кратчайший проблеск интереса – он даже назвал бы это узнаванием, но они точно никогда не встречались. Виктор отстранился, двинулся в толпу и подошел к красной двери.

Она закрылась за ним, скрыв клуб из поля зрения. Виктор размял руки, идя по бетонным ступенькам вниз, в недра здания. Коридор был узким, стены выкрашены в черный цвет, а воздух загустел от сигарного дыма. Из комнаты в глубине разразился смех, но путь Виктору преградил парень в плотной черной рубашке.

– Куда-то собрался?

– Да.

Мужик оглядел Виктора.

– Выглядишь как торчок.

– Я в курсе, – ответил Виктор, разводя руки для обыска.

Охранник хлопнул его по бокам, затем повел в комнату.

Малкольм Джонс сидел за большим столом, в дорогом костюме, на стопке банкнот у его локтя лежал блестящий серебряный пистолет. Еще три человека сидели на разных предметах мебели; один пялился в экран на стене, другой играл со своим телефоном, третий смотрел на дорожку кокаина, что Джонс поправлял на столешнице.

Никто из них, казалось, не заметил появление Виктора.

Только Джонс потрудился посмотреть вверх. Он был немолод и обладал тем самым голодным, почти волчьим взглядом, что появляется у наркомана перед приемом дозы.

– Ты кто такой?

– Новый клиент, – просто сказал Виктор.

– Откуда обо мне узнал?

– Птичка напела.

Джонс проглотил это объяснение, явно польщенный мыслью о своей известности. Он указал на пустой стул напротив себя.

– Зачем пришел?

Виктор опустился на стул.

– Наркотики.

Джонс смерил его взглядом.

– Ха, я бы решил, что ты за стволами. Что конкретно тебе надо? Героин? Кокс?

Виктор покачал головой.

– Медикаменты.

– А, ну тогда... – Джонс махнул рукой, и один из его людей встал и открыл шкафчик, показывая множество пластиковых бутылок с таблетками. – У нас есть окси, фентанил, бензо, адди... – стал перечислять Джонс, пока другой парень выкладывал бутылки на стол.

Виктор прикинул варианты, задаваясь вопросом, с чего начать.

Приступы становились все чаще, и что бы он ни предпринимал, видимой разницы не было. В рамках теории, что его запас силы – нечто вроде батареи и таким образом перезаряжается, Виктор пробовал не пользоваться своим талантом. Когда не сработало, сменил тактику и попытался пользоваться им чаще, мол, надо скинуть излишек энергии. Такой подход привел к тем же самым результатам – гул снова нарастал, становился ощутимым, и Виктор умирал.

Он оглядел строй бутылок с пилюлями.

Виктор мог составить диаграмму электрического потока, но, похоже, не мог его изменить.
С точки зрения науки – тупик.

С точки зрения физиологии – того хуже.

Саму боль он остановить мог до определенной степени, но боль была лишь одним аспектом нервной системы. И лишь одной гранью применения большинства опиатов. Они были глушителями, предназначенными для подавления не только боли, но и ощущений, частоты сердечных сокращений, сознания – и если одного вида недостаточно, ему нужен коктейль.

– Я их возьму, – завил Виктор.

– Которые?

– Все.

Джонс холодно улыбнулся.

– Притормози-ка, парень. У нас лимит, одна бутылка в одни руки. Я не могу отдать тебе все свои запасы. Через минуту ты загонишь их где-нибудь на углу по тройной цене...

– Я не торговец.

– Тогда тебе и не нужно много. – Улыбка Джонса стала натянутой. – Теперь что касается оплаты...

– Я сказал, что возьму их. – Виктор наклонился вперед. – Про деньги речи не было.

Джонс рассмеялся безрадостным животным смехом, который тут же подхватили его люди.

– Если решил меня обчистить, надо было хотя бы пушку с собой принести.

– Так я принес, – сказал Виктор. Поднял руку, медленно, словно фокусник, согнул три пальца и вытянул указательный и большой. – Видишь? – спросил он, наставляя «пистолет» на Джонса.

Тому стало не до смеха.

– Да ты кто вообще...

– Бух.

Никакого выстрела – ни отдающегося в ушах эха, ни вылетевшего патрона, ни дыма, – но Джонс издал горловой вопль и рухнул на пол как подкошенный.

Трое остальных мафиози попытались схватить свое оружие, но замешкались от шока. Не успели они нажать на курки, как Виктор уничтожил их всех. Никакого рубильника. Никаких нюансов. Лишь чистая сила. Нечто выше боли, когда рвутся нервы и перегорают предохранители.

Мужчины рухнули на пол, как марионетки с обрезанными нитками, но Джонс все еще был в сознании. По-прежнему сжимал грудь, отчаянно ища пулевое ранение, кровь, какой-то физический ущерб под стать тому, что говорили ему нервы.

– Твою мать... твою мать... – бормотал Джонс с безумными глазами.

Боль, как узнал Виктор, превращала людей в животных.

Он собрал таблетки, побросал пакеты и бутылки в черный кожаный портфель, что нашелся у стола. Джонс дернулся на полу, а потом вдруг подобрался, заметив на столе блеск металла. Потянулся туда, но Виктор чуть повел пальцами, и Джонс без сознания сполз по стене.

Виктор взял пистолет, за которым лез Джонс, и взвесил его в ладони. Он не испытывал особой привязанности к оружию – оно было практически бесполезно, учитывая его силу. Но в нынешнем состоянии полезно обзавестись чем-то... сверх. Вдобавок никогда не повредит иметь видимый сдерживающий фактор.

Виктор сунул пистолет в карман пальто и застегнул портфель.

– С вами приятно иметь дело, – сказал он затихшей комнате, развернулся и вышел.

* * *

В это же самое время...

Джун поправила собранные в хвост волосы и скользнула сквозь бархатный занавес в приватную комнату. Гарольд Шелтон уже сидел там, ждал и в нетерпении потирал свои розовые ладони о бедра.

– Я по тебе скучал, Джинни.

Джинни в данный момент валялась дома, сражаясь с симптомами пищевого отравления.

А Джун лишь одолжила ее тело.

– И как сильно ты скучал по мне? – спросила она, пытаясь говорить мягко и хрипло. Голос не был идеальным, никогда не был. Ведь голос – это природа и воспитание, биология и культура. Джун могла ухватить тембр вместе с телом, но вечно пробивался родной певучий акцент. Гарольд, казалось, ничего не заметил. Он был слишком занят, разглядывая сиськи Джинни через сине-белый наряд чирлидерши.

Не самый любимый наряд Джун, но это не обязательно.

Главное, чтобы клиенту нравилось.

Она медленно обошла его, проводя розовыми ногтями по плечам. Когда пальцы коснулись кожи, Джун увидела вспышки жизни Гарольда – не все, только самые яркие кусочки. Они промелькнули в голове, не задерживаясь. Джун знала, что никогда не позаимствует это тело, так что нет нужды знать больше.

Гарольд поймал ее за запястье и притянул к себе на колени.

– Ты знаешь правила, – промурлыкала Джун, высвобождаясь.

Правила клуба были простыми: смотри, но не трогай. Руки на бедрах. На коленях. Да хоть под задницей, не важно, лишь бы девчонку не касался.

– Ты гребаное динамо, – раздраженно проворчал Гарольд и запрокинул голову. Стеклообразные глаза, вонючее дыхание. – За что я вообще плачу?

Джун прошла за ним и обвила руками его плечи.

– Ты меня трогать не можешь, – проворковала она, склоняясь к самому уху. – А вот я тебя могу.

Он не увидел проволоки у нее в руках и ничего не заметил, пока удавка не затянулась на шее.

Гарольд забился, но толстый занавес и громкая музыка все заглушили. Да и чем больше дергаешься, тем быстрее у тебя кончается воздух.

Джун всегда любила удавку. Быстро, эффективно, осязаемо.

Гарольд потратил слишком много энергии, цепляясь за провод, а не за ее лицо. Не то чтобы это имело значение.

– Ничего личного, Гарольд, – сказала Джун, пока он топал ногами, пытаясь освободиться.

Так и есть – Гарольд не входил в ее список. Это был просто бизнес.

Безжизненное тело рухнуло на пол, тонкая полоска слюны свисала с открытых губ.

Джун выпрямилась, вздохнула, убрала провод. Она принялась изучать свои ладони, которые не были ее ладонями. На них остались тонкие, глубокие порезы. Джун их не чувствовала, но знала, что настоящая Джинни проснется с этими рубцами и болью.

Извини, Джинни, подумала Джун, вышла из комнаты и задернула за собой занавеску. Гарольд был большим транжирой. Он оплатил целый час Джинни-чирлидерши, что давало Джун добрых пятьдесят минут, чтобы убраться как можно дальше от тела.

Шагая по коридору, она потерла рубцы. По крайней мере, соседи по комнате Джинни были дома – железное алиби. Никто не видел, как Джун входила к Гарольду, и никто не видел, как она уходила, поэтому все, что ей нужно было сделать...

– Джинни, – прозвучал чей-то голос, слишком близко. – Ты разве не на работе?

Джун выругалась себе под нос и обернулась. А попутно *изменилась* – четыре года сбора образов всех, кого она коснулась, предоставляли ей обширный гардероб. В мгновение ока она сбросила Джинни и выбрала кого-то еще, тоже блондинку, с такими же волосами, такого же телосложения, но с сиськами поменьше и круглым лицом.

Такая перемена – чертово произведение искусства, и вышибала растерянно моргнул. Джун по опыту знала: когда люди видят то, чего не понимают, то не могут соображать. «Я видел» становится «Думаю, я видел», затем «Я не мог видеть», а значит: «Я не видел». Глаза ненадежны. Умы слабы.

– Сюда можно только танцовщицам и клиентам, мэм.

– Я подглядывать не собиралась, – ответила Джун, подпуская тяжелого акцента. – Просто искала дамскую комнату.

Макс кивнул на дверь справа:

– Пойдете назад, откуда пришли, и через весь клуб.

– Спасибо, – подмигнула она.

По пути обратно Джун старалась идти спокойно, непринужденно. Сейчас ей хотелось одного: забраться в душ. Со стрип-клубами вечно так. Вонь похоти и пота, дешевой выпивки и грязных денег была такой густой, что буквально липла к коже и не отпускала до самого дома. Хотя все это лишь игра фантазии: Джун не могла чувствовать, ощущать запахи и вкусы. Одолженное тело – оно такое. Одолженное.

Она миновала уже половину пути, когда врезалась в мужчину, худого, светловолосого, одетого во все черное. Ничего особенного, в подобном месте бизнесмены пилились на голых женщин наравне с обычными холостяками, но Джун нечаянно задела его руку и увидела... пустоту. Ни деталей, ни воспоминаний.

Мужчина едва обратил на нее внимание и уже пошел прочь. Он скрылся за красной дверью в глубине клуба. Джун заставила себя шевелиться, хотя весь ее мир только что замер.

Неужели? Каковы шансы...

Ничтожны, однако все же не нулевые. Несколько лет назад был еще один парень, молодой, с ним она столкнулась на улице летней ночью. Ей пришлось запрокинуть голову, ему нагнуться. Джун ощутила тот же холод, ту же черноту там, где должны были храниться воспоминания. Когда месяцами с одного прикосновения собираешь образы и формы, такое отсутствие информации сбивает с толку, дезориентирует.

Тогда Джун не знала, в чем дело – он не в порядке, она сама, это такая особенность или глюк, – а потом проследила за парнем и увидела, как он провел рукой по капоту машины. Внезапно заурчал мотор. Вот тогда она поняла: парень – *другой*.

Не такой, как она, но не обычный.

После того случая Джун решила его отыскать.

Джун, которая никогда прежде не была поклонницей случайных контактов, лишних прикосновений, теперь, в погоне за этими неуловимыми пятнами тьмы, искала любой повод, чтобы задеть пальцами, поцеловать в щеку. Но не нашла *другого*.

До этого самого дня.

Джун спряталась за колонну и сменила белокурую девушку на человека с незапоминающимся лицом. В баре она заказала себе выпивку и стала ждать, пока незнакомец появится.

Десять минут спустя он появился с черным портфелем в руке и вышел в темноту.

Джун пошла следом.

* * *

На улице бродил народ, но недостаточно много, чтобы скрыть слезку. Каждый раз, как на нее падал уличный свет, Джун меняла форму.

Что она сделает, если мужчина в черном ее заметит?

А если нет?

Джун не знала, почему следует за незнакомцем или как поступит, если он остановится. Что же ее тянуло, инстинкт или простое любопытство? У Джун не всегда получалось отличить их друг от друга. До...

Нет, она не хотела думать о том, что было раньше. Не хотела и не должна. Может, сам момент смерти и не запомнился, но агония была достаточно реальной. Нет смысла откапывать этот гроб.

Ее ведь звали не Джун. Она похоронила настоящее имя вместе со всем остальным.

Оставила лишь акцент. Впрочем, «оставила» громко сказано – упрямая штука не желала уходить. Отголосок дома в чужом мире. Память о зеленом и сером, о скалах и океане... Она, вероятно, могла бы уничтожить и это, вычистить вместе со всем остальным, что делало ее самой собой. Но больше у нее ничего не осталось. Последняя ниточка.

Как сентиментально, упрекнула себя Джун, ускоряя шаг.

В конце концов она перестала меняться и просто последовала за незнакомцем.

Странно было наблюдать, как прочие люди убираются с его пути.

Они точно видели его, судя по тому, как обходили. Но вправду не *замечали* чужака.

Как магниты. Все привыкли думать, что магниты притягиваются, но если их развернуть, они отталкиваются друг от друга. Хоть вечность их своди, даже если почти получится, в итоге они увернутся.

Интересно, так ли влиял этот человек на окружающих? Может, это часть его способностей?

Джун этого не чувствовала.

Но опять же, сейчас она ничего не чувствовала.

Кто ты, гадала она, раздраженная неопределенностью этого человека. Джун напрочь разбаловала ее сила, то, как легко доставались знания.

Не то чтобы она видела все – это короткий путь к долгому безумию, – но достаточно. Имена. Возраст. Воспоминания, но только те, которые действительно оставили след.

Человек словно раскладывался на кусочки.

И нынешняя пустота сильно сбивала с толку.

Мужчина остановился возле жилого дома. Джун затаилась в тени здания и смотрела, как он входит через вращающуюся дверь в вестибюль, затем в лифт, как кабина поднимается на девятый этаж и останавливается.

Джун задумчиво пожевала губу.

Уже поздно.

Но не слишком поздно.

Она мысленно перебрала свой «гардероб». Доставка уже не работает, а вот курьерская служба вполне. Она выбрала молодую женщину – самое невинное, особенно в ночное время, – в синей велосипедной куртке, подхватила в вестибюле недоставленный конверт и нажала кнопку вызова на лифте.

На девятом этаже было четыре двери.

Четыре шанса.

Она приложила ухо к первой и услышала мертвую тишину пустой квартиры.

То же самое со второй.

В третий раз Джун услышала шаги и постучала, но, когда дверь распахнулась, ее встретил не мужчина в черном, а девочка с большой собакой.

Хрупкая невысокая девочка с белоснежными волосами и льдисто-голубыми глазами. Вид ее застал Джун врасплох.

Ей было двенадцать, может, тринадцать. Того же возраста, что и Мэдлин. Мэдлин принадлежала к периоду До – когда у Джун была семья, родители, сестры, одна старше, три младше, и у самой младшей были такие же светлые кудри...

– Чем могу помочь? – спросила девочка.

Джун поняла, что, видимо, ошиблась. Она покачала головой и начала отступать.

– Кто там? – спросил теплый голос, и вышел здоровяк с татуированными руками и приветливой улыбкой.

– Доставка, – сказала девочка. Она потянулась к пакету, ее пальцы почти коснулись Джун, когда появился *он*.

– Сидни, – произнес мужчина в черном. – Я же сказал не подходить к двери.

Девочка ушла в комнату, собака за ней, а мужчина шагнул вперед. Его глаза, холодные, темно-синего цвета, опустились на пакет в руках Джун.

– Неправильный адрес, – сказал он, закрывая дверь перед ее носом.

Джун так и застыла в коридоре. Мысли лихорадочно крутились.

Она ожидала, что он окажется один.

Такие люди, как они, должны держаться в одиночку.

Кто эти здоровяк и девочка? Простые или тоже со способностями?

На следующий день Джун вернулась. Прижала ухо к двери и ничего не услышала. Она опустила на колени перед замком, и через несколько секунд дверь распахнулась. В квартире было пусто. Никаких следов девочки, собаки, здоровяка или незнакомца.

Они просто исчезли.

VIII

Три года назад

Кэпитал-сити

Это случилось снова. И снова. И снова.

Виктор оперся на комод, таблетки из запасов Малкольма Джонса выстроились перед ним, вездесущий гул уже начинал откровенно завывать в черепе. Виктор перебрал флаконы в поисках чего-то, что еще не пробовал – оксикодон, морфин, фентанил, – но уже перепробовал все. Любые дозы, любые сочетания, ничего не работало. Ничего не помогало.

Он подавил разочарованное рычание и смахнул открытые бутылки со стойки. Таблетки посыпались на пол, а Виктор вылетел в квартиру. Надо уйти, пока приступ не достиг пика.

– Куда ты идешь? – спросила Сидни, когда Виктор пересек комнату.

– Погулять, – натянуто ответил он.

– Но ты только что вернулся. И сегодня мы идем в кино. Ты обещал сходить с нами.

Митч успокаивающе накрыл ее руку своей:

– Он ненадолго.

Сидни оглядела их, словно почувствовала недоговорки, ложь, дыры там, откуда вырезали правду.

– Что происходит?

Виктор схватил свое пальто с крючка.

– Мне просто нужно немного воздуха.

Теперь заряд разлетелся в воздухе вокруг него, энергия потрескивала в конечностях. Дол заскулил. Митч поморщился. Но Сидни не отступила.

– Там дождь идет, – запротестовала она.

– Не растаю, не сахарный.

Но Сидни уже тянулась к своему пальто.

– Хорошо, – сказала она, – тогда я пойду с тобой.

– Сидни...

Но она добежала до порога первой.

– Убирайся, – сказал он сквозь зубы.

– Нет, – ответила она, закрывая проем своим маленьким телом.

– Прочь, – приказал Виктор. Странное отчаяние зазвенело в его голосе.

Но Сидни не сдавалась:

– Если ты скажешь мне, что происходит. Я знаю, ты что-то скрываешь. Ты лжешь, и это несправедливо, я заслуживаю...

– Прочь, – рявкнул Виктор. И затем, не задумываясь – не осталось ничего, кроме нарастающего заряда, ускользящих секунд, необходимости убежать, – схватил Сидни и толкнул, не по нервам, а буквально в тело. Она пошатнулась, словно от удара, и Виктор прошел мимо нее к двери.

Он почти достиг порога, когда накрыл первый спазм.

Виктор пошатнулся, прижался к стене, сквозь стиснутые зубы вырвался низкий стон.

Сидни стояла рядом на четвереньках, но, когда Виктор споткнулся, весь гнев исчез с ее лица, сменившись страхом.

– Что с тобой? В чем дело?

Виктор склонил голову, тяжело дыша.

– Уведи ее...

Митч наконец подскочил и оттащил Сидни от Виктора.

– Что с ним происходит? – рыдала она, вырываясь из хватки здоровяка.

Виктор открыл дверь и сделал один шаг, прежде чем боль захлестнула его как прилив, и он упал.

Последним, что увидел Виктор, была Сидни, которая вывернулась из рук Митча и бросилась к нему.

А потом все стерла смерть.

* * *

– Сидни?

Виктор хрипло вздохнул.

– Сидни, ты меня слышишь?

Митч. Здоровяк говорил тихо, умоляюще.

Виктор сел и увидел, как Митч стоит на коленях у маленького тельца Сидни. Она лежала на спине, светлые волосы разметались, кожа была цвета фарфора. Сидни не двигалась. Митч потряс ее за плечо, приложил ухо к груди.

Виктор встал. Комната накренилась, голова была тяжелой, мысли тягучими, как всегда после приступа. Он повернул рубильник, обостряя чувства до боли. Нужно прочистить мозги.

– Отодвинься, – приказал Виктор, опускаясь на колени рядом с Сидни.

– Сделай что-нибудь, – потребовал Митч.

Ее кожа была холодной, хотя у Сидни она всегда холодная. Виктор поискал пульс и после нескольких мучительных секунд пустоты ощутил слабый трепет сердца. Оно едва билось. Дыхание было таким же медленным.

Виктор приложил руку к ее груди. Потянулся к нервам и попытался как можно мягче повернуть рубильник. Совсем немного, чтобы стимулировать реакцию.

– Очнись.

Ничего не произошло.

Он повернул рубильник еще немного.

Очнись.

Ничего. Она была такой холодной, такой тихой.

Виктор схватил ее за плечо.

– Сидни, очнись, – приказал он, посылая ток через ее маленькое тело.

Она ахнула, распахнула глаза, затем перевернулась на бок и закашлялась. Митч бросился к ней, а Виктор тяжело сполз вниз по двери, сердце гулко стучало в груди.

Когда Сидни удалось сесть, она посмотрела прямо на Виктора. В ее широко раскрытых глазах был не гнев, а грусть. Виктор без слов прочел ее невысказанный вопрос. Тот же вопрос, которым так долго мучился сам.

Что я наделал?

* * *

Виктор сидел на балконе и смотрел, как падает снег, белые пятна на черном фоне.

Он замерз. Можно было надеть пальто, успокоить нервы, приглушить холод, стереть все ощущения. Вместо этого Виктор смаковал мороз, наблюдал, как его дыхание вырывается облачками пара на фоне ночи, цеплялся за краткий период молчания.

Свет снова зажегся, но Виктор не мог заставить себя войти внутрь, не мог вынести выражение лица Сидни. Или Митча.

Он мог уйти.

Должен был уйти.

Расстояние не спасло бы его, но могло бы защитить их.

Дверь открылась за его спиной, и он услышал легкие шаги Сидни. Она вышла на балкон, опустилась на стул рядом с ним, подтянув колени к груди. В течение нескольких минут никто не проронил ни слова.

Когда-то Виктор обещал Сидни, что никому не позволит причинить ей боль, что он всегда навредит им в первую очередь.

Он нарушил это обещание.

Виктор изучал свои руки, вспоминая момент до того, как заставил Сидни уйти с дороги. Тогда он не трогал ее нервы, или, по крайней мере, не поворачивал рубильник. Но тем не менее *сдвинул* ее.

Виктор поднялся со своего места, обдумывая последствия. Он был на полпути к двери, когда Сидни наконец нарушила тишину:

– Тебе больно?

– Сейчас нет, – ответил он, уходя от вопроса.

– Но когда это случается – больно?

Виктор шумно выдохнул:

– Да.

– Как долго это длится? Насколько все плохо? Каково это, когда ты...

– Сидни.

– Я хочу знать. – Ее голос сорвался. – Я должна знать.

– Зачем?

– Потому что это я виновата. Я это с тобой сделала. – Виктор начал качать головой, но Сидни его прервала: – Скажи мне. Скажи правду. Вы все это время мне лгали, так хотя бы расскажи, каково тебе приходится.

– Как будто умираешь.

Она ахнула, будто от удара. Виктор вздохнул и подошел к краю балкона. Перила были скользкими ото льда. Виктор провел ладонью по железу, ощущая, как от холода немеют пальцы.

– Я рассказывал, как получил свои силы?

Сидни покачала головой, белокурый боб замотался из стороны в сторону. Разумеется, нет. Однажды Виктор рассказал ей свои последние мысли, но не более того. Дело не в доверии, просто они оба оставили прошлое позади. Что-то помнить хотелось, а много чего другого – нет.

– Большинство людей становятся ЭО в результате несчастного случая, – сказал он, изучая снег. – У нас с Эли было иначе. Мы решили найти способ все изменить. Кстати, это удивительно сложно сделать. Сознательно умереть, сознательно ожить. Найти способ покончить с жизнью, но все же не проститься ней, не делать тело непригодным для использования. Кроме того, нужен метод, который лишает субъекта достаточного контроля, чтобы заставить его бояться, потому что требуются химические свойства, вызываемые страхом и адреналином, чтобы вызвать соматические изменения. – Виктор запрокинул голову и всмотрелся в небо. – Это была не первая моя попытка, – тихо сказал он. – Ночь, когда я умер. Я уже пробовал однажды и потерпел неудачу. Передозировка, как оказалось, дает слишком много контроля и страха. Поэтому я решил попробовать еще раз. Эли уже преуспел, и я не хотел ему уступать. Я создал ситуацию, в которой не мог вернуть себе контроль. Ту, где не было ничего, кроме страха. И боли.

– Как? – прошептала Сидни.

Виктор закрыл глаза и увидел стоящую у панели Анджи.

– Убедил одного человека меня запытать.

Сидни коротко выдохнула. А Виктор продолжал говорить:

– Меня привязали к металлическому столу и подключили к электрическому потоку. Там был рубильник, и человек его повернул. Боль стала сильнее, но я сказал не останавливаться, пока не остановится мое сердце. – Виктор прижал ладони к ледяным перилам. – Люди имеют представление о боли. Они думают, будто знают, что это такое, каково это, но это всего лишь идея. Совсем другое дело, когда боль обретает конкретные формы. – Он повернулся к ней. – Поэтому, если хочешь знать, как ощущаются эти приступы, вот ответ: будто я умираю, снова и снова. Как будто кто-то поворачивает рубильник внутри меня, пока я не сломаюсь.

Лицо Сидни было белым.

– Я виновата, – сказала она себе под нос, сжимая пальцы. – Я это с тобой сделала.

Виктор подошел к стулу Сидни, встал перед ней на колени и твердо произнес:

– Сидни, я жив благодаря тебе. – Слезы потекли по ее щекам. Виктор коснулся ее плеча. –

Ты меня спасла.

Она подняла глаза – синие радужки в красной окантовке.

– Но я тебя сломала.

– Нет, – начал Виктор и вдруг осекся. Ему на ум пришла мысль. Крохотная, но яркая искорка. Виктор подхватил ее, попытался раздуть пламя из слабого огонька и наконец понял.

Он не там искал. Он искал обычные решения проблемы.

Но Виктор не обычный человек. И то, что с ним произошло, тоже.

ЭО исказил его силы.

Значит, нужен ЭО, чтобы их починить.

IX

Два года назад

Южный Бротон

Удивительно, что люди способны выдавать за музыку.

Виктор прислонился к стойке. На сцене группа людей терзала инструменты. Единственный плюс, что они заглушали растущий гул в его собственной голове. Недостатком было то, что на его месте образовалась боль.

– Эй! – окликнул бармен. – Тебе налить?

Виктор повернулся к бару. К человеку за прилавком.

Уилл Коннелли, шесть футов три дюйма, квадратная челюсть, ершик черных волос и все признаки потенциального ЭО.

Виктор поручил Митчу перестроить поисковую матрицу, ту самую, которую Эли, а затем и полиция использовали для поиска ЭО, той самой, которая привела Виктора к Доминику.

Потребовалось два месяца, чтобы выследить первого кандидата – женщину на юге, которая умела обращать вспять возраст, но не травмы. Еще три, чтобы найти второго – мужчину, что мог разобрать вещи и собрать их обратно, но, увы, этот навык не относился к живым существам.

Найти ЭО было достаточно сложно.

Найти конкретных, кто обладал бы нужными силами, было еще труднее.

Последней зацепкой стал Уилл Коннелли, который выписался из больницы спустя два дня после аварии. Доктора только руками разводили.

Это предполагало способность к исцелению.

Вопрос был в том, сможет ли он исцелить Виктора.

Пока никто не смог.

– Ну? – переспросил Коннелли, перекрикивая музыку.

– «Глен Ардок», – ответил Виктор, кивая на пустую бутылку на задней стенке.

– Смотаюсь за новой, – сказал Коннелли, махнул другому бармену и выскочил из-за барной стойки.

Виктор немного выждал, затем последовал за ним по коридору. Коннелли как раз добрался до открытой двери кладовой, когда Виктор его догнал.

– Я передумал.

Бармен обернулся, и Виктор одним толчком отправил его вниз по лестнице.

Не очень долгий полет, но внизу была стена из металлических бочонков, и бармен врезался в них с грохотом, который привлек бы внимание, если бы не завывания над головой.

Виктор неторопливо спустился, а бармен сел, схватившись за локоть.

– Ты сломал мне чертову руку!

– Ну так почини ее, – сказал Виктор.

Выражение лица Коннелли изменилось.

– Чего? Что ты за...

Виктор щелкнул пальцами, и бармен пошатнулся, сдерживая крик.

Мог бы не напрягаться. Музыка так грохотала, что хоть резню устраивай, никто не заметит.

– Ладно! – простонал Коннелли. – Ладно.

Виктор отпустил его, и бармен выпрямился. Сделал несколько вдохов, а затем все его тело содрогнулось. Движение было таким быстрым, что походило на вибрацию. На перемотку. Еще секунда, и его рука легко повисла на боку, боль исчезла с лица.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Теперь исправь меня.

Коннелли замешкался:

– Я не могу.

Виктор размял руки, и Коннелли отшатнулся обратно к стене ящиков.

– Я не могу, – выдохнул он. – Ты что, считаешь, если бы я мог помочь другим людям – я бы этого не сделал? Да я бы гребаным мессией стал. А не пахал бы в этом дерьмовом баре.

Это верно.

– Оно работает только на мне самом.

Гадство, подумал Виктор прямо перед тем, как зазвонил его телефон. Он вытащил сотовый из кармана и увидел на экране имя Доминика.

Дом звонил Виктору только тогда, когда возникали проблемы.

– Что случилось?

– Плохие новости, – ответил бывший солдат.

В кладовой Коннелли схватил бутылку с полки и бросился к Виктору. Вернее, попытался. Но Виктор поднял руку, и все тело Коннелли резко замерло. Виктор поймал его нервы, зажал их на месте. Он тренировался с той ночи, как сдвинул Сидни. Узнал, что боль и движение – две грани контроля. Покалечить тело просто; остановить его труднее, но Виктор и этому научился.

– Продолжай, – сказал он Дому.

– Ладно, ты ж знаешь, что многие ребята, отслужив, идут по частным лавочкам? Безопасность. Целевики. Наемники. Кому-то везет, кому-то нет. Но всегда есть работа для людей в определенной области, было бы желание.

Коннелли все еще боролся с Виктором, напирал всем весом, будто они занимались армрестлингом. Как будто это битва мускулов, а не воля.

– Так вот, пью я со старым армейским приятелем, – продолжал Дом, – вернее, он пил бурбон, а я коктейль...

– Короче, – поторопил Виктор, ставя бармена на колени.

– Да, извини. Вот, и тут он мне говорит, что нашел новую работу. Она вне радаров – ни публичных сведений, ни документов или онлайн-публикаций, просто из уст в уста. Никаких подробностей. Только название. ЭОН.

Виктор нахмурился.

– ЭОН?

Коннелли попытался закричать, но Виктор сжал ему челюсти.

– Ага. ЭОН, – подтвердил Дом. – «ЭО: наблюдение и нейтрализация».

Виктор замер.

– Это тюрьма.

– Или что-то наподобие. Они ищут охранников, но также обучают офицеров охотиться на таких, как мы.

Виктор переварил информацию.

– Что еще сказал твой друг?

– Немного. Но он дал мне визитку. Настоящее шпионское дерьмо. Только эти три буквы на одной стороне, и имя и номер на обороте. Ничего больше.

– Чье имя? – спросил Виктор, хотя у него было чувство, что он уже знает ответ.

– Директор Джозеф Стелл.

Стелл. Имя царапнуло по коже Виктора. Полицейский, который первым пришел за ним в Локленд сразу после смерти Анджи; причина, по которой Виктор провел четыре года в одиночной камере и еще шесть лет в обычной; тот самый человек, который десять лет спустя выследил Эли, но попал под чары Серены Кларк. Стелл вел себя как собака с костью – раз вцепится и уже не отпустит. А теперь это. Организация, предназначенная для охоты на ЭО.

– Я думал, ты захочешь узнать, – сказал Доминик.

– Правильно подумал. – Виктор повесил трубку.

Какая ж хрень, подумал он, качая головой. Официально Виктор Вейл был мертв и похоронен на кладбище Мерита, но достаточно намек – черт, да есть куча причин снова откопать тело. И он оставил позади пустой гроб. След. Не очевидный, но хватит, чтобы вызвать проблемы. И сколько времени понадобится ЭОН, чтобы его выследить? Поймать?

– Отпусти меня, – прорычал Коннелли сквозь стиснутые зубы.

– Хорошо, – сказал Виктор.

Бармен пошатнулся, ошеломленный внезапной свободой, но не успел встать, как Виктор выхватил пистолет и выстрелил ему в голову.

А музыка продолжала бушевать над головой, несломленная, не потревоженная.

* * *

– Пять зефирок, – заявила Сидни на кухонной стойке. Сегодня вечером ее волосы были вырвиглазно-пурпурными.

– Слишком много, – отозвался Митч от плиты.

– Хорошо, три.

– А как насчет четырех?

– Не люблю четные числа. Привет, Виктор. – Сид рассеянно махнула ногами. – Митч делает горячий шоколад.

– Как по-домашнему, – сказал тот, стаскивая пальто.

Они не спрашивали о его вечере или Коннолли, но Виктор чувствовал повисшее в воздухе напряжение. Его молчание было красноречивее любого ответа.

Он поймал взгляд Митча.

– Разузнай все, что можешь, об ЭОН.

– Что это? – спросил Митч.

– Проблема. – Виктор пересказал им разговор с Домиником, наблюдая, как Сидни бледнеет, а выражение Митча меняется от удивления к беспокойству. Договорив, он повернулся к своей комнате. – Начните собирать вещи.

– Куда мы поедем? – спросила Сид.

– Фултон. Кэпстоун. Дрезден. Кэпитал-сити.

Митч нахмурился.

– Это все места, где мы уже были.

– Я знаю, – сказал Виктор. – Мы возвращаемся. Нужно подчистить хвосты.

Тень легла на лицо Сидни.

– Ты собираешься их убить. Всех, с кем вы встречались...

– У меня нет выбора, – просто сказал он.

– Нет, есть, – сказала Сидни, скрестив руки. – Почему ты должен...

– Кто-то знает мое состояние. Кто-то мою силу. Но все они видели мое лицо. С этого момента мы не оставляем абсолютно никаких следов, и это означает, что, прежде чем идти вперед, нам придется вернуться.

Хвост из тел или хвост из свидетелей – таков выбор. Ни один из вариантов не был идеальным, но, по крайней мере, трупы не могли давать показаний. Решение Виктора было логичным, но Сидни не хотела этого понимать.

– Если ты убьешь все ЭО, которых встречал, – сказала она, – чем ты лучше Эли?

Виктор сжал зубы.

– Я не получаю от этого удовольствия, Сидни, но если ЭОН их найдет, то станет на один шаг ближе к нам. Ты этого хочешь?

– Нет, но...

– Знаешь, что они сделают? Сначала убьют Дола, а потом заберут тебя, меня и Митча, и мы никогда больше не увидим дневного света, не говоря уже друг о друге. – Глаза Сидни расширились, но Виктор продолжил: – Если повезет, нас запрут в клетку. В одиночестве. Если нет, они превратят нас в научный эксперимент...

– Виктор, – предупредил Митч, но тот лишь подошел ближе. Сидни уставилась на Виктора, сжав кулаки. Он опустил на колени, чтобы оказаться с ней на одном уровне.

– Думаешь, я веду себя как Эли? Думаешь, я играю в Бога? Хорошо, давай по-твоему, Сидни. Прямо сейчас выбирай, кому жить. Нам или им.

Слезы повисли на ее ресницах. Она не смотрела на него, уставилась на его рубашку и беззвучно шевельнула губами.

– Что? – переспросил он. И на сей раз услышал:

– Нам.

Х

Четыре недели назад

Хэллоуэй

Виктор оперся на раковину, ожидая, когда подействует лекарство, и подумал, что эффект на данный момент как у плацебо. Не столько реальности, сколько неуместной надежды. Для спокойствия. На время. Для контроля.

Он оттолкнулся от стойки и вернулся в спальню, к комоду, к тонкой пачке бумаги. С верхнего листа на него уставилось лицо Джека Линдена. Черные полосы пересекали профиль, стирая строку за строкой, пока не осталось только два слова. Десять букв, разбросанных по всей странице.

П О Ч И Н И М Е Н Я

Виктор долго смотрел на них, затем скомкал бумагу и отшвырнул ее.

У них кончились кандидаты.

И у него заканчивалось время.

«3 минуты 49 секунд».

– Виктор! – нетерпеливо позвала Сид.

Он выпрямился.

– Иду, – отозвался Виктор, доставая из верхнего ящика небольшую синюю коробку.

В гостиной было темно.

Сидни встала на колени перед кофейным столиком, где возле пирога собрался настоящий маленький алтарь из подарков. Восемнадцать свечей испускали разноцветные искры. Митч довольно скрестил руки.

– Загадай желание, – сказал он.

Взгляд Сидни переместился с торта на Митча, а потом на Виктора.

Как раз перед тем, как она задула свечи, тень пробежала по ее лицу.

* * *

Восемнадцать свечей. Сидни упивалась числом, расставляя свечи рядом с недоеденным тортом. Восемнадцать. Дол попытался слизнуть со стола кусочек шоколадной глазури, но Виктор отпихнул пса, а Митч вручил Сидни свой первый подарок. Она взяла коробку, потрясла с озорной усмешкой, затем сорвала бумагу и вытащила красный бомбер.

Она увидела его в витрине магазина, несколько городов назад, и остановилась полюбоваться, как классно выглядит долговязый манекен, какие у него изгибы, как прячутся руки в глубоких боковых карманах.

Сид тогда не сказала, что хотела бы обладать не только одеждой, но и телом манекена. Ей бомбер оказался слишком большой – рукава на шесть дюймов длиннее, чем надо.

– Извини, – сказал Митч. – Это был самый маленький размер.

Ей удалось улыбнуться.

– Все в порядке, – сказала она. – Я вырасту.

Вероятно. В конце концов.

Митч протянул ей вторую коробку, с маркой Мерита на упаковке. Доминик. Она по нему скучала – Виктор часто разговаривал по телефону с бывшим солдатом, но никто из них не видел его с тех пор, как покинул Мерит. Это был единственный город, в который они никогда не возвращались.

Там осталось слишком много скелетов.

Сидни пошатнулась от тяжести подарка Доминика. Внутри обнаружилась пара армейских ботинок со стальным носком и подошвой в три дюйма толщиной. Сидни тут же их надела, а потом заставила Митча встать рядом, чтобы посмотреть, какая она теперь высокая. Получилось дотянуться до его груди вместо живота, и здоровяк игриво потрепал ее парик.

Наконец Виктор протянул ей небольшую синюю коробку.

– Не трясись, – предупредил он.

Сид опустила у столика, задержала дыхание и подняла крышку.

Внутри на бархате лежал скелет птички. Ни перьев, ни кожи, ни мышц – только три дюжины косточек, аккуратно разложенных среди голубых складок.

Митч скривился, но Сидни встала, прижимая коробку к груди, словно драгоценность.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Просто идеально.

XI

Пять лет назад

Мерит

В ночь, когда Виктор умер, Сидни не могла уснуть.

Доминик проглотил горсть таблеток, запил их виски и рухнул на диван всего за несколько минут до того, как Митч, избитый и окровавленный, в тысяче миль от него, принял свою дозу.

Но Сид так и сидела с Долом у ног, думая о теле Виктора в морге, обугленном трупе Серены на участке «Фолкон-прайс», пока наконец не плюнула на сон, не натянула сапоги и не выбралась наружу.

Перед самым рассветом Сидни достигла заброшенной стройки. Серена говорила, что это самая темная часть ночи. Время, когда на улицы выходят монстры и призраки.

Участок повсюду пересекали полосатые ленты, отмечающие место преступления.

Сидни пригнулась и пролезла под фанерный забор. Полиция уехала, шум и свет исчезли, хаос ночи свелся к пронумерованным маркерам, высыхающей крови и белой пластиковой палатке.

Внутри лежало тело Серены. Вернее, что от нее осталось. Огонь был горячим – настолько горячим, что ее сестра превратилась в почерневшую кожу и ломкие кости. Сидни знала, что все позади, но, когда тянулась к обугленным останкам, все равно подспудно боялась обжечься. Не было ни жара, ни тепла, ни следа жизни. Половина костей уже рассыпалась, другие грозили сломаться от легкого прикосновения, но кое-где несколько кусков сохранились.

Сидни начала копать.

Она просто хотела что-то взять на память о сестре, предмет, который можно хранить. И только когда по локти влезла в горелую кучу, поняла, что на самом деле делает.

Ищет способ вернуть Серену обратно.

* * *

Сидни стала умирать, но только во сне.

Кошмары начались, когда они покинули Мерит. Ночь за ночью она закрывала глаза и возвращалась к замерзшему озеру, тому, которое расколосось и поглотило ее и ее сестру три года назад.

В снах Серена была тенью на дальнем берегу, стояла, скрестив руки, ожидая, наблюдая, но Сид никогда не была на льду одна. Дол облизывал замерзшую землю, а Дом, Митч и Виктор образовали вокруг нее свободный круг.

А издалека, через озеро, к ним шел человек с широкими плечами и каштановыми волосами, легким шагом, с дружеской улыбкой.

Эли, который никогда не старел, никогда не менялся, никогда не умирал.

Эли, от которого у нее волосы становились дыбом, как никогда не удавалось холоду.

– Все в порядке, ребенок, – заверил Дом.

– Мы здесь, – поддакнул Митч.

– Я не дам ему тебе навредить, – сказал Виктор.

В итоге они все солгали.

Не по своей воле, просто не сумели сдержать обещания.

Озеро затрещало, как ветки в лесу. Лед принялся раскалываться под ногами.

– Назад! – крикнула Сидни, сама не зная кому, им или Эли, но разницы не было. Никто ее не слушал.

Эли шел через озеро, за ними, за ней. Под его ногами лед оставался гладким и твердым, но стоило Эверу сделать шаг, как кто-то исчезал.

Шаг.

Озеро треснуло под Домиником.

Шаг.

Митч пошел на дно как камень.

Шаг.

Дол поскользнулся и упал.
Шаг.
Виктор исчез.
Шаг.
Один за другим они утонули.
Шаг.
И тогда она осталась одна.
С Эли.
– Привет, Сидни, – сказал он.
Иногда у него был нож.
Иногда пистолет.
Иногда кусок веревки.
Но руки Сидни всегда были пусты.
Она хотела дать отпор, хотела устоять, встретиться с монстром, но тело всегда ее предавало. Ноги сами поворачивались к берегу, скользя и скользя, пока она бежала.
Иногда почти удавалось.
Иногда даже близко ничего не выходило.
Но что бы Сидни ни делала, сон всегда заканчивался одинаково.

ХП

Четыре года назад

Дрезден

Сид села, задыхаясь.
Она проснулась от треска льда, шипения и шелкания озера. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять: звуки не последовали за ней из снов, они шли с кухни.
Трескалась скорлупа яиц.
Шипел и шелкал бекон на сковороде.
Родители Сидни никогда не готовили завтрак. В доме всегда была еда – по крайней мере, в банке у раковины всегда были деньги на еду, – но никто не устраивал семейных застолий, ведь это значило собраться в доме всем в одно и то же время. В отличие от кино, Сидни не просыпалась от запаха еды, ни в рождественское утро, ни в дни рождения, и уж точно не в случайный вторник.
Всякий раз, когда ее будили ароматы бекона или тостов, она знала, что Серена дома. Сестра всегда готовила завтрак, настоящее пиршество, слишком много, чтобы можно было съесть.
– Голодная, соня? – всегда спрашивала Серена, наливая ей стакан сока.
И в какой-то момент, прежде чем опознать комнату, Сидни чуть не вскочила с кровати, чтобы ринуться к сестре на кухню.
Ее сердце заколотилось. Но затем она увидела чужие стены квартиры и красную металлическую банку на незнакомой тумбочке, в которой находилось все, что осталось от Серены Кларк, и реальность вновь обрушилась на Сидни.
Дол тихо скулил у кровати, явно разрываясь между преданностью хозяйке и чисто собачьей любовью к еде.

– Голодный, соня? – тихо спросила она, потрепав его между ушами.

Пес облегченно фыркнул и повернулся, приоткрыв дверь носом. Сидни последовала за ним в квартиру. Это была съемная, одиннадцатая за их путешествие, пятый город. Хорошее место – они всегда останавливались в хороших. Жили в дороге – в бегах – почти шесть месяцев, и Сидни все еще ходила, затаив дыхание, наполовину ожидая, что Виктор отправит ее прочь. В конце концов, он никогда не говорил, мол, Сидни может остаться с ними. Просто никогда не приказывал ей уходить, а она никогда не просилась.

Митч был на кухне, готовил завтрак.

– Привет, ребенок, – сказал он. Митч – единственный, кто мог ее так называть. – Есть хочешь?

А сам уже делил яйца на две тарелки, три для него и одно для нее (зато Сидни всегда получала половину бекона).

Она подцепила шипящую полоску со своей тарелки, поделила ее с Долом и оглядела арендованную квартиру.

Сидни не скучала по дому.

Не скучала по своим родителям. Наверное, должна была, но, пожалуй, Сидни потеряла их еще до того, как исчезла: ее первые воспоминания были об упакованных чемоданах и нянях, последние – о двух теньях, что оставили ее в больнице после несчастного случая.

Нынешняя жизнь куда больше напоминала семейную, чем когда у Сид имелись мать и отец.

– Где Виктор?

– Ой... – У Митча стало такое сосредоточенное выражение лица, как у взрослых, когда они пытаются убедить, мол, все в порядке. Вечно думают, что, если ничего вам не скажут, вы ничего и не узнаете. Куда там.

Серена говорила, что всегда может определить, когда кто-то лжет, потому что все эти невысказанные вещи остаются в воздухе, делая его тяжелым, как перед бурей.

Сидни, возможно, не знала всей полноты лжи Виктора, но дыры никуда не делись.

– Он просто вышел прогуляться, – сказал Митч. – Я уверен, что он скоро вернется.

Сидни знала, что Митч тоже лжет.

Здоровяк отодвинул свою пустую тарелку в сторону.

– Ладно, – сказал он, доставая колоду карт. – Тяни.

Это была игра, в которую они играли с первых дней после Мерита, когда необходимость вести себя осторожно столкнулась с желанием выйти, а отсутствие Виктора означало, что Сид и Митч проводили много времени вместе (а добросердечный бывший заключенный, очевидно, понятия не имел, что делать с тринадцатилеткой, которая может воскрешать мертвых).

– Что бы ты делала, если бы оказалась... – Он осекся.

Сидни знала, что он думает «дома», но уточнила:

– В Брайтоне? Наверное, сидела бы в школе.

– Тебе нравилась школа?

Сидни пожала плечами:

– Мне нравилось учиться.

Митч просиял:

– Мне тоже. Только никогда не удавалось долго оставаться на одном месте. Приемные семьи и все такое. Так что я не особо заботился о школе... но ты с меня пример не бери. Я мог бы учить тебя...

– Правда?

Митч слегка покраснел.

– Ну, я многого не знаю. Но мы могли бы учиться вместе. – Вот тогда он впервые и достал карты. – Давай так: черви – литература. Трефы – естественные науки. Бубны – история. Пики – математика. Это послужит нам хорошим началом.

– А картинки? – спросила Сид.

Митч сверкнул заговорщической улыбкой.

– Картинки – мы выходим на улицу.

Теперь Сидни затаила дыхание и вытащила карту из центра, надеясь на короля или королеву.

Шестерка трэф.

– Повезет в следующий раз, – сказал Митч, беря ноутбук. – Ладно, давай посмотрим, какие эксперименты мы можем провести на этой кухне...

Они уже почти создали самодельный вулкан, когда дверь распахнулась и вошел Виктор. Он выглядел уставшим, с напряженным лицом, словно ему было больно. Сидни почувствовала, как воздух давит на плечи.

– Есть хочешь? – спросил Митч, но Виктор отмахнулся от него, опустил на стул за кухонным столом, взял свой планшет и начал рассеянно листать страницы. Митч поставил у его локтя чашку черного кофе.

Сидни примостилась на стуле и изучающе уставилась на Виктора.

Всякий раз, когда она воскрешала животное или человека, то представляла себе нить, нечто плавающее в темноте. Воображала, как хватает эту нить и тянет к себе, на свет. Но даже вытащив, никогда не отпускала нить. Просто не знала, как это сделать. Так что Сидни чувствовала Виктора, когда он был дома и когда прогуливался по городу, чувствовала, независимо от того, как далеко он уходил, будто его энергия, его напряжение передавались по невидимой нити.

Поэтому даже без тяжелого воздуха, без взглядов Митча на Виктора, без того, как Виктор старался на нее не смотреть, она знала: что-то не так.

– В чем дело, Сидни? – спросил он, не поднимая глаз.

Скажи мне правду, подумала она. Просто скажи мне правду.

– Ты уверен, что в порядке? – спросила она.

Холодные голубые глаза Виктора встретились с ней.

Его рот изогнулся в улыбке, как всегда, когда Виктор лгал.

– Лучше некуда.

ХIII

Три года назад

Кэпитал-сити

Сидни примостилась у дерева, солнечный свет пятнами покрывал ее кожу.

Она вытащила картинку – королеву бубей, – но погода была настолько хорошей, что Сидни разыграла бы подаренного Виктором короля, лишь бы выйти из квартиры.

Виктор.

Сидни будто снова увидела, как он дернулся к двери, как он пытается задавить крик, как его тело корчится на полу. Еще была боль, толчок чего-то прямо в грудь, а затем тьма, но эти воспоминания Сидни не волновали.

Ее беспокоил Виктор. Его боль. Его смерть.

Потому что это была вина Сидни.

Он рассчитывал на нее, и она его подвела.

Она вернула его неправильным.

Разбитым.

Это был секрет. Ложь.

«Словно умираешь».

Сидни принялась расхаживать, не поднимая глаз от мшистой земли. Сторонний человек решил бы, что она ищет цветы, но сейчас была поздняя весна, время, когда птенцы покидают гнезда в надежде улететь. Не всем это удавалось. А Сидни всегда искала, кого бы оживить. На ком бы потренироваться.

Сидни уже знала, как проникнуть внутрь тела и вернуть его к жизни. Но что, если существо давно умерло? Что, если нет всего тела? Сколько достаточно найти, чтобы нащупать нить? Сколько?

Дол что-то вынюхивал в траве неподалеку, а Митч пристроился по другую сторону лужайки, с потрепанной книгой на колене и очками на носу.

Они были в Кэпитал-сити, таком же холмистом, насколько ровен Фултон, месте, где парков столько же, сколько небоскребов.

Ей здесь нравилось. Сидни хотела остаться. Но знала, что не получится.

Они были здесь только потому, что Виктор кого-то искал. Очередного ЭО. Кого-то, кто может починить то, что она сломала.

Что-то хрустнуло под ногой Сидни.

Она посмотрела вниз и увидела смятое тело молодого вьюрка. Птица пролежала там некоторое время, достаточно долго, чтобы маленькое тело погрузилось в мох. Достаточно, чтобы перья опали, крыло оторвалось, а хрупкие кости рассыпались, как скорлупа яиц под ее туфлей.

Сидни опустила на колени и согнулась над крошечным трупом.

Одно дело вдохнуть жизнь обратно в тело. Другое дело полностью его восстановить. Есть только один шанс: Сидни узнала это наверняка, когда отпустила нити, и кости просто рассыпались в пепел, но единственный способ стать сильнее – это практиковаться. А Сидни хотела стать сильнее – ей нужно было стать сильнее, – поэтому она осторожно провела пальцами по останкам птицы, закрыла глаза и потянулась.

Холод пронесся сквозь нее, пока она искала в темноте нить, проблеск света. Он крылся где-то там, настолько слабый, что невозможно увидеть. Пока что. Значит, придется положиться на ощущения. Легкие болели, но она продолжала тянуться, знала, что еще немного, вот-вот...

Сидни почувствовала, как птица дернулась под ее ладонью.

Едва уловимо, как пульс.

А потом...

Глаза Сидни распахнулись, слабый поток холода коснулся ее губ, пока птица поднималась на неверных крыльях. А потом вспорхнула к ветвям дерева.

Сидни откинулась назад и вздохнула.

– Что ж, это была задачка посложнее.

А потом резко вскинула голову и на секунду – всего на секунду – подумала, будто смотрит на призрака. Белоснежные волосы и ледяные голубые глаза, ослепительная улыбка на лице в форме сердечка.

Но это была не Серена.

Вблизи у девушки оказались более высокие скулы, более широкий подбородок, а в глазах танцевали озорные огоньки. Дол слегка оскалился, сверкая зубами, но, когда незнакомка протянула ему руку, пес осторожно понюхал ее, а затем успокоился.

– Хороший мальчик, – проворковала не-Серена. У нее был нежный певучий акцент. Она глянула на Сидни. – Я тебя напугала?

– Нет, – выдавила Сид. – Ты просто похожа на... одного человека.

Незнакомка сверкнула задумчивой улыбкой.

– На кого-то хорошего, я надеюсь. – Затем указала на ветви: – Я видела, что ты сделала с той птицей.

Сердце Сидни зачастило.

– Я ничего не сделала.

Девушка засмеялась, легко, непринужденно. А потом зашла за ствол дерева. Когда же появилась на другой стороне, то стала... кем-то другим. Прошла всего секунда, шаг, но белокурая девушка исчезла, и Сидни обнаружила, что смотрит в знакомое лицо Митча.

– Это большой мир, детка, – сказал он. – Ты не единственная, у кого есть таланты.

Сидни знала, что это не он. Не только потому, что настоящий Митч все еще читал по ту сторону поля, но еще из-за акцента, который звучал у него в голосе, даже сейчас.

Незнакомка сделала шаг в сторону Сидни и снова изменилась. Митч исчез, и появилась долговязая молодая женщина в крестьянской юбке, светлые волосы стянуты в небрежный пучок.

Девушка оглядела себя.

– Это мой любимый, – сказала она, наполовину про себя.

– Как ты это сделала? – спросила Сид.

Незнакомка изогнула бровь.

– Я ничего не делала, – сказала она, повторяя слова Сидни. А потом расплылась в улыбке. – Видишь? Глупо лгать, когда мы обе знаем правду.

Сидни сглотнула.

– Ты ЭО.

– ЭО?

– ЭкстраОрдинарная. Так они называют... нас.

Девушка задумалась.

– Экстраординарная. Мне нравится. – Она посмотрела вниз и радостно взвизгнула. – Вот, – сказала незнакомка, поднимая с травы крошечный птичий череп. – Ты видела мой трюк. Покажи мне свой еще раз.

Сидни взяла череп, который был не больше кольца. Цельный, безупречный – но его недостаточно.

– Я не могу, – сказала она, возвращая предмет. – Слишком много не хватает.

– Сид? – позвал Митч.

Незнакомка вытащила сложенную бумажку из заднего кармана и ручку. Что-то набросала на листке и протянула его Сидни.

– На случай, если тебе когда-нибудь понадобится друг. – Она наклонилась ближе и подмигнула: – Такие девушки, как мы, должны держаться вместе.

Митч снова окликнул Сидни.

– Лучше иди, – сказал незнакомка. – Не хотелось бы волновать здоровяка. – Затем потрепала Дола по морде. – Присмотри за нашей девочкой, – поручила она псу.

– Увидимся, – сказала Сид.

– Вот уж наверняка.

Митч ждал ее на другом конце поля.

– С кем ты разговаривала? – спросил он.

Сидни пожала плечами.

– Просто какая-то девушка, – сказала она, поняв, что не спросила имени. Сид оглянулась через плечо и увидела незнакомку, что все еще опиралась на дерево и рассматривала маленький белый череп на свету.

Той ночью Сидни вбила в телефон новый номер.
На следующую – послала незнакомке сообщение:
«Забыла сказать. Меня зовут Сидни».
Затаила дыхание и стала ждать.
Несколько секунд спустя пришел ответ:
«Приятно познакомиться, Сидни. Я Джун».

XIV

Четыре недели назад

Хэллоуэй

Сид помогала Митчу убрать торт, когда почувствовала вибрацию телефона в заднем кармане.

Она извинилась, проскользнула в свою комнату и закрыла за собой дверь, прежде чем прочитать текст.

Джун: С днем рождения, Сид, ХоХо.
Сидни поймала себя на том, что улыбается.
Джун: Подарили что-нибудь хорошее?
Сидни послала ей фотографию бомбера.
Сид: Не по размеру.
Джун: Хорошая вещь, винтаж никогда не выходит из моды;)
Сидни повернулась к зеркалу, изучая свое отражение.

Восемнадцать.
Официально взрослая, даже если с виду не скажешь.

Она рассмотрела себя. Армейские ботинки. Синие волосы. Куртка-бомбер – действительно слишком большая. Когда она станет впору? Через десять лет? Через двадцать?

Виктор думал, старение Сидни – вернее, его отсутствие – как-то связано с тем, как она умерла, с ледяной водой, что заморозила конечности и остановила пульс. Жизненные показатели Сид оставались медленными, кожа – холодной на ощупь. Все остальные менялись: Виктор с каждым годом становился все стройнее и жестче, морщины залегли вокруг глаз Митча, морда Дола светлела.

Лишь Сидни оставалась той же.

И Эли, пожившись, подумала она. Но он исчез. И хватит уже его призывать, хватит вспоминать.

Сидни опустила на край кровати.
Сид: Ты где?
Джун: Только что въехала в Мерит.
Пульс Сидни участился.
Сид: Правда? Какими судьбами?
Джун: По работе. Так, по пути остановилась.
Сид: Хотела бы я быть там с тобой.

Джун: Ты могла бы;

Но обе знали, что это не так просто.

Сидни не покинет Виктора, а пока в деле Виктор, Мерит и все его скелеты останутся в прошлом.

XV

Два года назад

Южный Бротон

Мертвая мышь лежала на столе Сидни, свернувшись на цветочном кухонном полотенце.

Кошка, очевидно, хорошо над ней поработала – от грызуна осталось больше половины, но меньше целого. Уже был конец лета, и Сидни приоткрыла окно, чтобы запах выветрился.

Дол положил подбородок на оконную раму, обнюхивая воздух на пожарной лестнице, пока хозяйка занята. Сидни уже не раз воскрешала маленькое животное, только чтобы оно вырвалось из ее пальцев и спряталось где-нибудь под диваном или за шкафом. Митч не раз помогал его вытащить. Виктор заметил, что она упражняется, даже поощрял это, но установил одно правило: не оставлять ни одного животного. Всех следует выпускать. Или утилизировать. (Дол, конечно, был единственным исключением.)

Дальше по коридору открылась и закрылась дверь, и пес насторожил уши.

Виктор вернулся.

Сидни затаила дыхание и прислушалась, надеясь уловить хорошие новости по тону его голоса или реакции Митча. Но уже несколько секунд спустя могла сказать – опять тупик.

Грудь сдавило, и Сид снова сосредоточилась на мертвой мыши, обхватив ладонями крошечное волосатое тельце. Рюкзак лежал на кровати рядом со столом, а поверх – маленькая красная банка. Сидни посмотрела на нее – действие было почти суеверным, вроде как бросать соль через плечо или стучать по дереву, – а затем закрыла глаза и потянулась. Мимо тела, в темноту, ища нить. С каждой секундой холод растекался по пальцам, выше, мимо запястий, и дальше до локтей.

И вот наконец нить коснулась ее пальцев, и в ладони что-то задергалось.

Сидни ахнула и моргнула. Целая и невредимая мышь вырвалась из рук и юркнула по столу.

Сид спешно поймала маленького грызуна, выставила на пожарную лестницу и закрыла окно, пока он не забежал обратно. Сидни захотелось рассказать Виктору и Митчу о своем подвиге, каким бы маленьким он ни был.

Но на полпути она замялась и остановилась, уловив что-то странное в голосе Митча.

– ...это правда необходимо?

– Это чистый расчет, – холодно ответил Виктор. Повисла пауза. Лед звякнул о дно стакана. – Думаешь, мне нравится убивать людей?

– Нет... Не знаю... Думаю, иногда ты просто выбираешь самое легкое, а не правильное. Низкое, насмешливое фырканье.

– Если ты все еще о том, что случилось с Сереной...

У Сидни перехватило дыхание. Имя, которое никто не произносил почти три года.

– Можно было поступить иначе, – сказал Митч.

– Нельзя, – прорычал Виктор, – и ты это знаешь, даже если хочешь притвориться, что нет.

Сидни прижала ладонь ко рту.

– Сделай меня главным злодеем, Митч. Умой руки. Но не веди себя так, будто Серена Кларк просто жертва или даже несчастный случай. Она была врагом, оружием, и убить ее было не просто умно – это было правильно.

Судя по звуку шагов, Виктор направился в коридор.

Сидни вернулась к себе комнату. Она подошла к окну, распахнула его и вышла на пожарную лестницу. Привалилась к металлическому рельсу и попыталась сделать вид, будто мечтательно смотрит на город, а не сжимает кулаки так сильно, что болят пальцы.

Но Виктор даже не замедлил шаг, проходя мимо двери Сидни.

Когда он ушел, она опустилась на колени, склонив голову к решетке.

На нее нахлынули воспоминания о той ночи. Как Серена приказала не бежать, как разум Сидни очистился, а конечности обмякли. Холодный гараж и пистолет у виска. Долгая пауза, а затем новый приказ сестры – уйти. Найти что-то безопасное. Что-то, что стало кем-то. Виктором.

Но Виктор...

В глубине души Сидни знала.

Должна была знать.

Ей хотелось закричать. Вместо этого она просто ушла. Прыгая через ступеньку, спустилась по пожарной лестнице, не беспокоясь о производимом шуме.

Оказалась на улице и просто пошла.

Один квартал, три, пять – Сидни понятия не имела, куда идет, лишь знала, что не может вернуться. Не может посмотреть Виктору в глаза.

Она достала из кармана телефон и набрала Джун. Они почти год переписывались, рассказывали друг другу смешные случаи из жизни, сообщали, кто куда поехал, что делает, но Сид никогда не звонила подруге.

В трубке раздавались гудки.

Никто не ответил.

Шаги Сидни замедлились, первоначальная волна шока превратилась во что-то более тяжелое. Она огляделась. Ее занесло на узкую улочку, не совсем переулок, но и не главная дорога. Люди говорили, мол, города не спят, но они замолкают. И темнеют.

«Вернись», – произнес голос в ее голове, но он звучал как Виктор, поэтому Сидни продолжала идти.

И это была ошибка.

В ошибках главное то, что они не всегда крупные или очевидные. Иногда они простые. Мелкие. Решение продолжать идти. Поворот налево, а не направо. Несколько лишних шагов в неверном направлении.

Сидни снова попыталась позвонить Джун, когда увидела их – двух мужчин. Один в черной кожаной куртке, другой с банданой на шее.

Сид застыла. Развернуться означало показать спину тем людям, а продолжить движение – пройти мимо них в пределах досягаемости. Сначала они ее не заметили или, по крайней мере, притворились, что не заметили, но теперь пялились на нее и улыбались.

Мужчины не казались опасными, не так, как в фильмах, которые Сид смотрела с Митчем, но она знала, это ничего не значит – все, кто когда-либо причинял ей боль, выглядели безобидно. И чем дольше она оставалась на месте, тем больше чувствовала, как зло доносится от них, как дешевый одеколон. Что-то, у чего запах и вкус.

– Эй, малышка, – начал один, направляясь к ней. – Потерялась?

– Нет, – ответила Сидни. – И я не малышка.

– В какое трудное время мы живем, – подал голос второй. – Они так быстро растут.

Сидни не знала, как они так быстро успели к ней подобраться, но, когда повернулась, чтобы уйти, кто-то схватил ее за шкуру. Парень в кожаной куртке прижал Сид спиной к себе, обняв одной рукой за плечи.

– Ну же, не груби.

– Отстань от меня, – прорычала Сид, но он держал слишком крепко, и она не могла дышать, не могла думать. Почувствовала, как что-то вонзается в ребра, поняла, что это пистолет. Сидни изогнулась, пытаясь его схватить.

– Осторожнее, – сказал другой, приближаясь. – Девчонка строптивая.

Сид попыталась его ударить, но он отпрыгнул, помахивая пальцем. Она нащупала пистолет, но не могла его достать.

Дыхание первого мужчины было горячим и кислым.

– Ну че ты, давай повеселимся.

Сидни боднула его в нос – вернее, попыталась, но дотянулась только до подбородка. Тем не менее она ударилась о кость, услышала треск зуба и вырвалась на свободу, рухнув на четвереньки. Мужик зашатался и выронил пистолет. Сидни бросилась к оружию, пальцы сжали рукоятку прямо перед тем, как второй нападавший схватил ее за лодыжку.

Сид ударилась локтями, расцарапала ноги, но обернулась и подняла пистолет, направив его в сердце мужчины.

– Отвали, – прорычала она.

– Ах ты ж дрянь! – рявкнул тип с банданой, но другой лишь фыркнул, сплевывая кровь.

– Слишком большой ствол для такой малышки.

– Отвали.

– Да ты вообще знаешь, как с ним обращаться?

– Да. – Сидни нажала на курок, готовясь к отдаче, выстрелу.

Но ничего не произошло.

Мужик издал лающий смешок, а затем выбил пистолет из ее рук. Оружие отлетело прочь.

– Мелкая сучка, – сказал он и занес ботинок, словно она была жуком, чем-то, что можно раздавить. А потом резко опустил – вернее, начал опускать, только нога застыла на полпути. Мужик упал, испустив сквозь сжатые зубы полный ужаса крик. Секундой позже рухнул и второй бандит. Из темноты появился Виктор. Он поднял воротник пальто в попытке укрыться от холода.

На Сидни нахлынула смесь облегчения и шока.

– Что ты здесь делаешь?

Люди на земле корчились в безмолвной агонии, кровь текла из носов, лопались сосуды в глазах.

Виктор опустился на колени, чтобы подобрать пистолет.

– Спасибо сказать не хочешь?

Она поднялась на дрожащих ногах, гнев снова вспыхнул.

– Ты меня выследил.

– Не пытайся корчить из себя моралистку, Сидни. Ты сбежала.

– Я решила уйти. Я не пленница.

– Ты ребенок, и я обещал тебя защитить...

– Обещание, которое не можешь сдержать, – просто очередная ложь, – отгрызнулась она.

Ей надоело, что все лгут.

Митч солгал, когда сказал, что с Виктором все в порядке. Эли солгал, когда сказал, что не причинит ей вреда. Серена солгала, когда сказала, что никогда не уйдет. А Виктор лгал вообще каждый день с момента своего возвращения.

– Я не хочу, чтобы ты меня спасал, – сказала Сидни. – Я хочу сама себя спасти.

Виктор взвесил оружие в руке.

– Хорошо, – сказал он, предлагая ей пистолет. – Первый шаг – снять с предохранителя. Сидни взяла оружие, пораженная его весом. Оно оказалось тяжелее, чем она ожидала. Ее большой палец скользнул по защелке на боку.

– Если хочешь, – сказал Виктор, поворачиваясь к устью переуллка, – я научу тебя стрелять. Сидни еще не хотела его отпустить.

– Виктор, – окликнула она, сжимая пистолет, – ты это сделал?

Он остановился. Обернулся:

– Сделал что?

Сидни посмотрела ему в глаза:

– Ты убил Серену?

Он лишь вздохнул. Вопрос не застал его врасплох, но и отвечать на него Виктор не стал.

Сидни подняла оружие и направила ему в грудь.

– Ты это сделал?

– Сама как думаешь?

– Мне нужно, чтобы ты это сказал.

Виктор медленно, спокойно пошел к ней.

– При нашей встрече я предупредил: я нехороший человек.

– Скажи, – потребовала Сид.

Виктор остановился на расстоянии вытянутой руки, так что пистолет уперся ему в ребра.

Он посмотрел на нее сверху вниз.

– Да. Я убил Серену.

Слова ранили, но боль была глухой. Не ножевая рана или погружение в ледяную воду, но глубокая боль сбившегося страха, оправдавшегося подозрения.

– Зачем? Зачем ты это сделал?

– Она была нестабильной и не поддавалась анализу, опасной для всех на ее пути.

Он говорил о ней, обо всем, будто они были просто факторами в уравнении.

Но Серена не была фактором. Проблемой, которую следует решить.

– Она была моей сестрой.

– Она бы тебя убила.

– Нет, – прошептала Сидни.

– Если бы я не убил ее, полицейские остались бы под ее контролем. Эли никогда бы не поймали. Он бы разгуливал на свободе.

Пистолет дрожал в ее руках.

– Почему ты сжег ее тело?

– Я не мог рисковать, думая, что ты ее вернешь. – Виктор взялся за пистолет, достаточно свободно, если она решит нажать на спусковой крючок, просто фиксируя оружие. – Этого ты хотела? Моя смерть ее тоже не вернет. Тебе станет легче, если я умру? Подумай, Сидни. Мы все должны жить с нашим выбором.

Сидни вздрогнула.

А потом отпустила пистолет.

Виктор поймал оружие прежде, чем оно упало на землю. Вытащил обойму, а затем опустился на колени, чтобы они были на одном уровне.

– Посмотри на меня, – холодно сказал он, ловя Сидни за подбородок. – В следующий раз, когда нацелишь на кого-то оружие, убедись, что готова нажать на курок.

Он выпрямился, положил пистолет на ближайший ящик и ушел.

Сидни обхватила себя руками и опустилась на тротуар на колени.

Она не знала, как долго там просидела, когда наконец зазвонил телефон. Дрожащими руками она вытащила сотовый из кармана и ответила.

– Привет, детка, – сказала Джун, отдуваясь. – Извини, заканчивала работу. Что стряслось?

* * *

Десять минут спустя Сидни сидела в круглосуточной закусочной, сжимая чашку черного чая.

Это была идея Джун.

Место напротив Сидни было пустым, но, если смотреть на чай и прижимать к уху мобильник, можно было представить, будто подруга сидит рядом. Звуки другой закусочной в другом городе – звонок готового заказа, стук ложки, размешивающей сахар в чашке, – создавали мягкую завесу шума на линии.

– Ты сказала, что работаешь, – сказала Сид, заводя беседу. – Чем ты занимаешься?

Пауза.

– Ты действительно хочешь знать?

– Да.

– Я убиваю людей.

Сидни сглотнула.

– Плохих?

– Конечно, большую часть времени.

– Тебе нравится твоя работа?

Тихий звук, что-то между выдохом и смехом.

– Что бы ты обо мне подумала, если бы я сказала да?

Сидни посмотрела на пустое место.

– Что, по крайней мере, ты не врешь.

– Что случилось сегодня вечером? – спросила Джун. – Поговори со мной.

И Сидни так и сделала. Слова просто выплеснулись наружу. Она не могла поверить, как легко было говорить с Джун, как приятно делиться правдой среди стольких секретов. Ей не было так хорошо с кем-то с тех пор, как умерла Серена. Точно глубокий вдох после погружения в воду.

Разговор с Джун помогал Сид чувствовать себя нормальной.

Она рассказала о Викторе и Митче. О сестре, о дне, когда они утонули, о том, как они вернулись. О силах Серены и об Эли.

– Он как мы? – спросила Джун.

– Нет, – прорычала Сидни и глубоко вздохнула. – Я имею в виду, он ЭО. Но он не такой, как мы. Он думает, что мы не правы. Что мы не должны существовать. И он начал нас убивать. Он убил десятки людей, прежде чем Виктор остановил его. – Сидни понизила голос почти до шепота. – Моя сестра... она и Эли...

Но это была не вина одной лишь Серены.

Сестра уже очень долго жила в одиночестве, когда Эли ее нашел.

Сидни тоже потерялась, но ее нашел Виктор.

Это не вина Серены, что Сидни получила охотника, а ей достался волк.

– Я знаю, что случилось с Сереной, – сказала Джун.

Сидни напряглась.

– Что?

Вздох.

– Чтобы взять чье-то лицо, – сказала Джун, – я должна коснуться человека. И когда я это делаю, то вижу воспоминания. Не все – у меня в голове нет места для такого большого количества бесполезной памяти, – только кусочки, которые делают людей теми, кто они есть,

те, которые наиболее ценны. Любовь, ненависть, важные моменты. Митч... Я дотронулась до его руки в тот день в парке, прямо перед тем, как мы с тобой встретились, и увидела, как он стоит перед огнем. В огне было тело девушки. Но я чувствовала лишь его сожаление.

Сидни закрыла глаза и тяжело сглотнула.

– Митч не убивал Серену, это сделал Виктор.

– Зачем? – спросила Джун.

Сидни судорожно выдохнула.

– Моя сестра умела контролировать людей. Могла заставить их делать все, что ей угодно, просто одними словами. Сильная, могущественная. Но... она была как Эли. Думала, такие, как мы, потеряны. Сломаны.

– Может быть, она была права, – сказала Джун.

– Как ты можешь... – начала Сидни.

– Выслушай меня, – перебила Джун. – Может быть, мы правда сломаны. Но мы собрали себя заново. Мы выжили. Вот что делает нас такими могущественными. А что касается семьи... ну, кровь – это всегда семья, но семья не всегда должна быть по крови.

Сидни чувствовала себя опустошенной, измотанной.

– А ты? – спросила она. – У тебя есть семья?

Повисла долгая пауза.

– Нет, – тихо сказала Джун. – Уже нет.

– Что с ними случилось? Они умерли?

– Нет. Я умерла. – Пауза. – Они меня больше не узнают.

– Но ты же была собой изначально. Разве ты не можешь просто... измениться назад?

– Это сложно. Мои способности, – медленно произнесла Джун, – делают меня неуязвимой. Но только пока я кто-то другой. Я похоронила кое-кого. Как и моя семья. Могилы не было, но я все равно исчезла. И так и должно быть. Когда я вернулась, то решила, что больше никто и никогда не причинит мне боли. Я отказалась от всего – всех – в обмен на это.

Сидни нахмурилась.

– Оно того стоило?

Долгое молчание.

– Да, – наконец сказала Джун. Скрипнула кофейная чашка по столу. – Но я же сказала, семья не всегда должна быть по крови. Иногда нам приходится создавать новую. Иногда нам везет, и хорошие люди сами нас находят.

Сидни посмотрела на свой чай.

– Я правда рада, что мы встретились.

– Я тоже.

Какое-то время обе молчали, шум окружающего мира служил им ненавязчивым фоном. Джун что-то тихо напевала, а Сид мечтала, чтобы она действительно была здесь, за столом.

Сидни закрыла глаза.

– Джун?

– Да, Сид?

– Я не знаю, что делать. – Ее голос дрогнул.

– Ты можешь уйти.

Сидни думала об этом. Она так устала переезжать, жить на чемоданах, гоняться за ЭО, только чтобы упереться в тупик. Было больно смотреть, как страдает Виктор, и знать, что это ее вина. Именно поэтому Сидни и не могла уйти. Виктор убил Серену, да, но Сидни убивала его. Вновь и вновь. Она не могла его оставить. Она не оставит Митча. Они стали ее семьей. Всем, что у нее осталось, – приняли ее, дали ей надежду.

– Сид?

– Я не могу.

– Что ж, – сказала Джун. Сидни услышала, как на стол, звякнув, упали монеты, а потом скрипнул отодвигаемый стул. – Тогда предлагаю тебе пойти домой.

XVI

Год назад

Эджефильд

Было слишком жарко для Хэллоуина.

Они остановились в студенческом городке где-то на юге, воздух был все еще липким, улицы полнились группами подростков, направляющихся на вечеринки, и Сидни тоже решила выйти.

Она встала у зеркала в спальне, поправила темно-коричневый боб, наредила губы самой темной помадой, которую только смогла найти, обвела глаза черными линиями. Но чем старше она старалась выглядеть, тем смешнее себя чувствовала. Сидни сорвала парик и бросилась на кровать.

Она взяла телефон и прочитала последние несколько сообщений от Джун.

Джун: Так выходи.

Сид: Я не могу.

Джун: Кто сказал?

Джун: Тебе семнадцать лет.

Джун: Ты сама можешь решать.

Джун: Они не имеют права тебя останавливать.

Сидни поднялась на ноги и начала снова.

За день до этого она с Митчем пошла в магазин костюмов, нашла классную школьную форму в стиле аниме. Раз выглядеть старше не получается, возможно, получится сойти за ту, кто пытается выглядеть моложе.

Сидни расчесала свои светлые волосы, натянула плиссированную юбку и поправила бант на шее. Сунула пистолет – в эти дни она никуда без него не ходила – в крошечный рюкзак, а затем промаршировала в квартиру.

Виктор сидел за кухонным столом, перебирая профили, Дол спал у его ног. Митч валялся на диване и смотрел футбольный матч. При виде нее он сел.

– Ты куда-то собралась.

– Да, – сказала Сид, идя к двери. – Я уйду.

Митч скрестил руки.

– Одна ты никуда не пойдешь. – Он уже вытаскивал колоду из заднего кармана. Гнев охватил Сидни.

– Это не глупая игра, – сказала она. – Это моя жизнь.

– Сидни, – сказал Митч с незнакомой твердостью в голосе.

– Перестань обращаться со мной как с ребенком.

– Тогда прекрати вести себя как ребенок, – сказал Виктор, не поднимая глаз.

Митч покачал головой:

– Что на тебя нашло?

– Ничего, – огрызнулась она. – Мне просто надоело сидеть взаперти.

– Отпусти ее, – сказал Виктор. – У меня от нее голова болит.

Митч обернулся к нему:

– Ты не помогаешь.

– Она может о себе позаботиться. – Виктор посмотрел ей в глаза: – Разве не так, Сид? – Она оцетинилась, услышав вызов в его голосе. – Ну, – усмехнулся он. – Чего ты ждешь?

Сидни выбежала, захлопнув за собой дверь. Выскочила на улицу и только там остановилась и села на ступеньки.

«Что на тебя нашло?»

Она не знала – но знала, что больше ни минуты не может торчать в этой квартире. Этой камере. Этой имитации жизни. И дело не в жаре, постоянных переездах или даже необходимости наблюдать, как жизненная сила Виктора угасает, точно свеча. Сидни просто хотела на одну ночь почувствовать себя обычной. Человеком.

Проехала машина, размалеванный под скелет подросток с улыбкой высунулся из окна. Смеялись девушки в слишком коротких юбках и на слишком высоких каблуках. Через улицу группа парней в волчьих масках запрокинула головы и завывала.

Сидни поднялась на ноги и направилась к перекрестку, к тумбе, утыканной листовками с рекламой вечеринок в клубах и братствах. «Бал монстров!», гласила одна. «Праздник крика», обещала другая сочащимися кровью буквами. «Герои и злодеи», заявляла третья. Внизу, в скобках, значилось примечание: никаких лузеров.

Сидни вытащила последнюю листовку и пошла по указанному адресу.

* * *

Она услышала музыку еще с улицы.

Тяжелые басы лились через открытую входную дверь, где парень в плаще обжимался с девушкой с рожками. Дом сверкал стробоскопами, те пульсировали в такт музыке, и все выглядело так, будто здание движется.

Такие вечеринки обожала Серена. Она вмиг заставила бы всех плясать под свою дудку. Это Серена всегда умела. К тому времени, как сестра получила свои силы, она уже привыкла к контролю. Серена не сгибалась перед миром. Она заставила мир склоняться перед ней.

Но когда Сидни поднялась по ступенькам, ее решимость пошатнулась. Она не попадала в такую толпу, с тех пор как решила навестить Серену в колледже. Прямо перед тем, как все пошло наперекосяк.

Сидни закрыла глаза и увидела, как сестра стоит, опершись на косяк.

«А ты повзрослела».

Почувствовала, как Серена обнимает ее.

«Я хочу, чтобы ты встретила с Эли».

Холод содовой в руке.

«Ты можешь ему доверять».

Треск выстрелов в лесу.

– Каваи.

Сидни огляделась и увидела темнокожую девушку в гладиаторских сандалиях, что сидела на перилах крыльца, покачивала длинными ногами и курила.

– Или это чиби? – продолжила она, кивая на костюм Сидни. – Никак не могу запомнить...

Девушка предложила сигарету, и Сидни взяла. Она никогда не курила, но видела, как Серена это делает.

«Трюк в том, чтобы задержать дым во рту, вот так».

Кончик сигареты загорелся красным, Серена сосчитала на пальцах один, два, три, а затем выдохнула идеальный белый шлейф. Теперь Сидни сделала то же самое.

Горячий и едкий дым наполнил рот. Он щекотал нос, подкрался к горлу, и Сид быстро выдохнула его, пока не закашлялась.

В голове помутилось, но нервы успокаивались.

Она вернула сигарету и вошла на вечеринку.

Дом кишел студентами. Они танцевали, кричали, двигались. Слишком много народу. Перебор. Сид задевали локтями, плечами, накидками, крыльями, она словно оказалась в море тел.

Сидни отступила назад, пытаясь выбраться из волн, и столкнулась с мужчиной в черной маске домино. Ее сердце сжалось. Эли. Она машинально потянулась к рюкзаку, но это был не он. Конечно, не он. Этот парень был слишком низким, слишком полным, его голос – слишком высоким, когда он прошел мимо, зовя друга через переполненную комнату.

Сидни только начинала расслабляться, когда кто-то поймал ее за запястье.

Она обернулась и увидела высокого парня в металлическом шлеме и обтягивающем спандексе.

– Как ты сюда попала? – Он поднял ее руку и одновременно повысил голос. – Кто притащил свою младшую сестру?

Люди стали оборачиваться. Сидни почувствовала, как вспыхнуло лицо.

– Я не ребенок, – прорычала она, вырываясь.

– Да, конечно, иди отсюда, – ответил он, подталкивая ее к входной двери.

В этот момент Сидни многое бы отдала за власть как у Виктора.

Парень из колледжа толкнул ее через порог.

– Иди поклончи сладости где-нибудь в другом месте.

Сидни с горящим лицом стояла на крыльце, позади гремела вечеринка, и все больше парней и девушек шли по дороге к дому.

Слезы угрожали вот-вот покатиться по лицу. Она их сдержала.

– Эй, ты в порядке? – спросил парень в плаще, опускаясь на колени рядом с ней. – Может, позвонить кому-нибудь...

– Да пошел ты, – отрезала Сидни и потопала прочь.

Она не могла пойти домой – пока нет. И не могла заставить себя написать Джун, поэтому просто еще час бродила по городу одна, когда наконец похолодало и толпы людей в костюмах иссякли. Сид держала рюкзак в руке, расстегнув молнию и приготовив пистолет на случай, если кто-нибудь что-нибудь затеет.

Обошлось.

Когда она наконец вернулась в квартиру, свет не горел.

Она сняла туфли, услышала, как кто-то заворочался на диване, и обернулась, ожидая увидеть Митча.

Но это был Виктор. Одной рукой он прикрывал глаза, его грудь размеренно поднималась и опускалась.

Дол лежал на полу рядом. Пес проснулся, его глаза сияли в темноте, хвост мягко завилал в знак приветствия.

Когда Сидни прокралась по квартире, Дол поднялся, пошел следом прямо в комнату и без приглашения забрался на кровать. Сид закрыла дверь и сползла по ней вниз.

Несколько мгновений спустя она услышала, как зашуршала мебель, Виктор встал, тихо прошел мимо ее двери и закрыл собственную.

Он не спал, поняла она.

Виктор просто ждал, когда Сидни вернется домой.

XVII

Четыре недели назад

Хэллоуэй

Было уже поздно, но Сидни еще не устала – слишком много сахара в крови, слишком много мыслей в голове, – и кроме того, ей хотелось прочувствовать день рождения.

Это была традиция.

Похожее на осколок воспоминания, как Сид пытается не заснуть, пока часы отсчитывают минуты до полуночи. Серена тыкает ее в ребра каждый раз, как она начинает дремать.

«Ну же, Сид. Почти дождалась. Плохая примета, заснуть. Встань и потанцуй со мной».

Сидни потрясла головой, стараясь прогнать голос сестры. Она медленно повернулась перед зеркалом, глядя, как голубые локоны развеваются вокруг лица, а затем сняла парик и расстегнула зажимы под ним. Ее натуральные волосы – занавес из прямых белых прядей – высвободились и упали почти до плеч.

Сидни снова поймала свое отражение, но на этот раз краем глаза.

Иногда, если немного прищурится, она почти видела в зеркале кого-то еще.

Кого-то с более острыми скулами, более полными губами, ртом, растянутым в хитрой усмешке. Призрак ее сестры. Эхо. Но затем иллюзия пропала, Сидни снова фокусировалась, и все, что оставалось в зеркале, – это девочка, играющая в переодевание.

* * *

Сидни сбросила красный бомбер и расстегнула ботинки, обратив внимание на подарок Виктора. Она взяла синюю коробку и отнесла к маленькому столу. Дол наблюдал с пола, как хозяйка осторожно поднимает крышку коробки, рассматривая содержимое. Маленький скелет птицы был безупречен, нетронут. Словно экспонат из музея естествознания – зная Виктора, так это, вероятно, и было.

Сидни села, задумчиво провела пальцами по крылу птицы и подумала, сколько же той лет. Чем дальше существо было мертвым, тем труднее его вернуть. И чем меньше от него осталось, тем более хрупкая его жизнь. Так что, вероятно, скелет сломается, и когда это произойдет, он исчезнет навсегда. Никакого второго шанса.

Не за что ухватиться.

Сидни взглянула на красную металлическую банку рядом с кроватью. А потом взяла пинцет и начала удалять кости, стирая птицу по одному кусочку за раз, пока не осталось лишь несколько фрагментов. Длинная кость наверху одного крыла. Фрагмент позвоночника. Коготь одной ноги.

Сид глубоко вздохнула и закрыла глаза, положив руку на остатки скелета.

А потом потянулась.

Сначала она не чувствовала ничего, кроме костей под ладонью. Но представила, как тянется дальше, глубже, мимо птицы, коробки и стола, погружает руку в холодное пустое пространство.

Легкие начали болеть. Холод разлился по ее пальцам и по рукам, острый и режущий, и когда Сидни выдохнула, то почувствовала на губах струйку холода, точно туман. Свет танцевал под веками, далекий и слабый, пока пальцы не нащупали едва заметный намек на нить. Сидни потянула, осторожно, бережно. Она держала глаза закрытыми, но чувствовала, как маленький скелет начинает восстанавливаться, ощущала рябь мышц, кожи, мягкость перьев.

Еще немного...

Но потом она потянула слишком сильно.

Нить исчезла.

Бледный огонек пропал.

Сидни моргнула, убрала руку и увидела останки птицы. Теперь ее хрупкие кости восстановлению не подлежали. Разложенные на бархате потрескались, а отложенная в сторону кучка рассыпалась под собственным весом.

Еще не хватает сил.

Еще не готова.

Когда она попыталась дотронуться до костей, они развалились, оставив лишь пепельную полоску на синей бархатной подкладке, кучу пыли на столе.

Уничтожено, подумала Сидни, сметая остатки в мусорную корзину.

XVIII

Четыре недели назад

Центральная больница Мерита

Я тебя уничтожу.

Я уничтожу.

Я...

Марсела открыла глаза.

Ее приветствовали стерильные люминесцентные лампы, запах антисептика и бумажно-тонкие больничные простыни. Марсела знала, что не должна быть здесь, вообще не должна быть жива. Но колеблющаяся зеленая линия на мониторе отмечала биение пульса, неумолимое доказательство того, что Марсела выжила. Она глубоко вздохнула и поморщилась. Легкие и горло жгло, а череп раскалывался, даже невзирая на высококлассные болеутоляющие в капельнице.

Марсела проверила пальцы рук и ног, осторожно повела головой из стороны в сторону и похвалила себя за поразительное самообладание. Она давно научилась разделять чувства, запикивать неудобные и недостойные в глубину сознания, словно старое платье в темный шкаф.

Марсела уцепилась за простыни и попыталась подтянуться, но при малейшем движении ощутила сопротивление собственного тела – ушибленные и сломанные ребра, обожженную и покрытую волдырями кожу. Марсела также научилась спокойно переносить различные неприятные ощущения, что неизменно сопутствовали уходу за внешностью.

Но эта боль посрамила все эти уколы и сознательные неудобства.

Она поселилась в коже, в костях, расплавленным огнем лилась по венам, по конечностям. Но вместо того, чтобы отступить, Марсела сосредоточилась.

Однажды у нее был инструктор по йоге, который сравнивал ум с домом. Марсела тогда лишь глаза закатывала, но теперь представила, как идет из комнаты в комнату, гася свет. Здесь страх, выключаем. Здесь паника, выключаем. Здесь путаница, выключаем.

Здесь боль.

Здесь гнев.

Здесь ее муж, этот гребаный обманщик.

Здесь он швырнул ее головой об стол.

Здесь смахнул свечи.

Здесь ее голос прервался, легкие наполнились дымом.

А это его спина, когда он ушел и оставил ее умирать.

Этот свет Марсела оставила включенным. Она ощутила, как в голове стало ярче, как тепло заструилось по коже. Марсела вцепилась в перила кровати. Те поплыли под ладонью, гладкий металл исчез, вдоль стали растянулось красное пятно. К тому времени, когда Марсела очнулась, отодвинулась, часть рамы уже разрушилась и осыпалась на кровать.

Марсела непонимающе уставилась на мусор.

Перевела взгляд с руки на металл и обратно, чувствуя, как тепло все еще исходит с кожи. Затем вцепилась в тонкие больничные простыни, но они тоже рассыпались, ткань мгновенно разлеталась, оставляя после себя только пепел.

Теперь Марсела подняла обе руки, но не в капитуляции, а в восхищении, повернула ладони к лицу в поисках каких-то фундаментальных изменений, но обнаружила лишь собственный испорченный маникюр да зеленый синяк в форме ладони вокруг запястья. Надпись на белом больничном браслете гласила: Мелинда Пирс.

Марсела нахмурилась. Все остальные детали были верны – она узнала свой возраст, дату рождения, – но казалось, что кто-то ввел ее в систему под вымышленным именем. А значит, они не хотели, чтобы Маркус знал, что она здесь. Или что она жива. Разумный выбор, подумала Марсела, учитывая события этой ночи. Или вчерашней? Она потерялась во времени.

Раны казались достаточно свежими.

Без простыней стали видны повязки, что поднимались вверх по ногам, обвивались вокруг живота, вокруг плеча, зеркально вторя ожогам от канделябров...

Включилось полицейское радио, резкий треск отличал его от десятков прочих звуков больницы. Внимание Марселы обратилось к двери. Та была закрыта, но сквозь стеклянную вставку она заметила форму полицейского.

Марселе удалось подняться с кровати, несмотря на различные кабели и шнуры, соединяющие ее с медицинскими приборами. Она потянулась к стойке с капельницей, но вспомнила полосу ржавой стали, распадающуюся простыню.

Марсела заколебалась, но ладонь снова стала прохладной, и, когда пальцы сомкнулись вокруг пластикового шнура, ничего страшного не произошло. Марсела отключила устройство, а затем, осторожно, чтобы не сместить монитор сердца, потянулась и вместо этого вытащила шнур питания.

Приборы стихли, их экраны почернели.

Больничная роба Марселы болталась – это и плюс, учитывая контакт с нежной кожей, но также и минус: нельзя же сбежать в одной простыне.

В углу стоял стерильный белый гардероб, и Марсела подошла к нему, безрассудно надеясь обнаружить свою одежду, сумочку, ключи, но, конечно, там было пусто.

За дверью она услышала грубый голос:

– ... до сих пор не очнулась... нет, мы скрыли это от прессы. Я уже позвонил в Программу по защите свидетелей.

Марсела усмехнулась. Программа по защите свидетелей. Она не за тем спроектировала свою жизнь, построила будущее из ничего, чтобы потом прятаться по канavam. И будь она

проклята, если исчезнет раньше мужа. Марсела обернулась, осматривая комнату, но там не было ничего, кроме одной двери и окна, выходящего на Мерит с высоты по крайней мере шести этажей.

Одна комната, одна дверь. Одно окно.

И две стены.

Марсела выбрала ту, что была напротив ее кровати, прижала ухо к стене и ничего не услышала – только ровный гул большого количества больничного оборудования.

Она осторожно поднесла пальцы к штукатурке.

Ничего не произошло.

Марсела медленно прижала ладонь к стене. Ничего. Она впиалась взглядом в руку; ногти потрескались, когда Марсела в отчаянии цеплялась за шелковый ковер, деревянный пол...

Рука начала светиться. Марсела наблюдала, как стена под пальцами искривляется, гниет, гипсокартон рушится, словно от сырости, гравитации или времени, пока между комнатами не образовалась широкая дыра, достаточно большая, чтобы через нее пройти.

Она даже залюбовалась эффектом. Значит, дело не в силе, а в чувстве.

Это хорошо.

У Марселы поднакопилось довольно много чувств.

Она вернула силу обратно в грудь, как будто это было дыхание. Там она и тлела, уже не оружие, скорее контрольная лампа. Спокойная и выжидающая.

Марсела шагнула через разрушенную стену в соседнюю комнату.

Дверь в комнату была приоткрыта, и в постели лежала женщина – Элис Толенски, согласно табличке, – на три дюйма ниже Марселы и на добрых тридцать фунтов тяжелее.

Ее одежда висела в маленьком больничном шкафу.

Марсела сморщила нос, рассматривая скользкие балетки, рюшечки на воротнике блузки с цветочным принтом и джинсы с эластичным поясом.

Но нищим выбирать не приходится. Марсела порадовалась просторным джинсам, когда пришла пора в них влезать. Плотная ткань задела повязки. Она подавила стон, а затем снова обратила внимание на шкаф.

На полке лежал кошелек из искусственной кожи. Марсела просмотрела содержимое и взяла сто долларов наличными и пару монет.

Она закончила одеваться, собрала волосы в пучок на затылке, надела очки и вышла в зал. Полицейский перед ее дверью ковырялся с повязкой на руке. Он не поднял глаза, когда Марсела повернулась и ушла.

Возле больницы выстроилась очередь такси.

Она залезла в ближайшее.

– Адрес? – проворчал водитель.

– «Хайтс». – Она впервые открыла рот; голос стал хриплым от дыма, чуть ниже тембром и приобрел сочность, о которой так мечтали сотни старлетов. – На Гранд-авеню.

Машина отъехала, и Марсела откинулась на кожаное сиденье.

Она всегда была хороша в критических ситуациях.

Другие женщины могли позволить себе паниковать, но сожителство с мафиози требовало определенного уровня уравновешенности. Это означало сохранять спокойствие. Или, по крайней мере, убедительно его симулировать.

На данный момент Марсела не чувствовала, что притворяется. Не было никакого страха, сомнения. Голова не кружилась. Она не чувствовала себя потерянной. Наоборот, жизненный путь казался надежным и прямым, его конец освещался одним ослепительным прожектором.

И под этим светом стоял Маркус Андовер Риггинс.

Часть вторая Откровение

I

Четырнадцать лет назад

Университет Мерита

Все нажрались в дерьмо.

Марсела сидела на кухонном столе, рассеянно стуча каблуками по шкафам и глядя, как они спотыкаются, пьют и орут, чтобы их услышали. Дом был заполнен музыкой, телами, паршивым алкоголем и дешевым одеколоном, а также всеми другими бессмысленными атрибутами студенческого братства. Подруги убедили ее приехать слабым аргументом, мол, так поступают все студенты, будет бесплатное пиво и горячие парни, а еще будет весело.

Эти самые подруги потерялись где-то в массе тел. Время от времени Марселе казалось, что она видит знакомый светлый боб или высокий каштановый хвост. С другой стороны, здесь была толпа народа. Типичные ученики колледжа. Больше похожи друг на друга, чем выделяются.

Марселе Рене Морган *не было* весело.

Она баюкала пиво в стеклянной бутылке и скучала – ей надоели музыка и парни, что время от времени подкатывали пофлиртовать, а затем убегали прочь в обиде на отказ. Ей надоело, что ее называли красивой, а потом сукой. Потрясающей, а затем стервой. Офигенной, а потом динамо.

Марсела всегда была хорошенькой. Такой красавицей, которую не пропустишь. Яркие голубые глаза и черные волосы, лицо в форме сердечка и тонкие, чистые линии модели. Отец сказал, что ей никогда не придется работать. Мать заявила, что работать придется вдвое больше. В каком-то смысле они оба оказались правы.

Тело – первое, что замечали в ней люди.

У большинства на том все и заканчивалось.

– Думаешь, ты лучше меня? – недавно спросил пьяный старшекурсник.

Марсела посмотрела в его мутные глаза и просто сказала:

– Да.

– Сука, – пробормотал он, ретируясь. Как предсказуемо.

Марсела пообещала своим друзьям, что останется выпить. Она запрокинула бутылку, стремясь прикончить пиво.

– Вижу, ты нашла что-то приличное, – произнес глубокий голос с легким южным акцентом.

Она подняла взгляд и увидела парня, что прислонился к кухонному островку. Марсела не поняла, о чем он, пока парень не кивнул на бутылку у нее в руке. Сам он стоял с пластиковой чашкой. Марсела указала на холодильник. Парень подошел туда, вытащил еще две бутылки, открыл их о край стойки и предложил ей одну.

Она отхлебнула пива, рассматривая парня поверх бутылки.

Его глаза были темно-синими, волосы будто поцелованы солнцем, такой теплый оттенок между блондином и шатеном. Большинство парней на вечеринке еще не согнали детский жирок, старшая школа цеплялась за них, как мокрая одежда, но у этого парня черная рубашка плотно обтягивала крепкие плечи, челюсть была острой, а подбородок зарос щетиной.

– Маркус, – сказал он вместо представления.

Марсела знала, кто он. Видела его в кампусе, но Алиса предупредила: Маркус Риггинс ходячая неприятность. Не потому что он великолепен. Не потому что богат. Ничего столь же примитивного. Нет, Маркус был проблемой по одной простой, восхитительной причине: его семья была из мафии. Алиса сказала, он плохиш, не держит слово, но это лишь подогрело интерес Марселы.

– Марсела, – представилась она, скрещивая ноги то так, то эдак.

Он улыбнулся и отсалютовал ей пивом.

– Маркус и Марсела. Прямо идеальная пара.

Кто-то включил музыку, и его следующие слова потонули в грохоте.

– Что ты сказал? – переспросила она, и он воспользовался возможностью, чтобы сократить расстояние между ними. Марсела сдвинула ноги в сторону, и Маркус подошел ближе. Он пах яблоками и льном, чистотой и свежестью. Такое приятное разнообразие после липкой грязи неуклюжих пьяных тел.

Маркус поставил свое пиво на стойку рядом с ее рукой, холодное стекло коснулось локтя, и Марсела слегка поежилась. Медленная улыбка появилась на его лице.

Он наклонился ближе, словно рассказывая секрет:

– Иди за мной.

И отступил назад, унося с собой запах льна и тепло.

Он не снял ее со стойки, но Марсела почувствовала, как ее тянет следом. Маркус отвернулся и пошел сквозь толпу. Она последовала за ним вверх по лестнице, по коридору к двери в спальню.

– Ты все еще со мной? – спросил он, оглядываясь.

Комната не вязалась с остальной частью братского дома. Грязное белье убрано, стол чист, кровать заправлена, аккуратная стопка книг на одеяле.

Марсела замерла в дверях, ожидая, как Маркус поступит дальше. Пойдет к ней или заставит ее прийти к нему.

Вместо этого он подошел к окну, открыл его и вышел на балкон. Марсела проследовала за ним, на ходу сбрасывая каблук.

Маркус протянул руку и помог ей забраться. Город расстился под ними, темные здания словно небо, огни словно звезды. Ночью Мерит всегда выглядел лучше.

Маркус отхлебнул пива.

– Лучше?

– Лучше, – улыбнулась Марсела.

Отвратительно громкая музыка превратилась в приглушенный фон.

Маркус прислонился к деревянным перилам.

– Ты местная?

– Почти, – ответила она. – А ты?

– Родился и вырос здесь. Что ты изучаешь?

– Бизнес, – коротко сказала она. Марсела ненавидела светские беседы, просто они так часто казались рутинной. Шум, пустые слова, предназначенные заполнить тишину. – Почему ты привел меня сюда?

– Я не вел, – парировал он, изображая невинность. – Ты сама за мной пошла.

– Ты попросил, – сказала Марсела и только тут поняла, что он этого не делал. В его голосе не было никаких вопросов, только простая команда.

– Ты собиралась уйти, – пояснил Маркус. – А я не хотел, чтобы ты уходила.
Марсела посмотрела на него:
– Привык получать то, что хочешь?
Он слегка улыбнулся.
– У меня такое чувство, что мы оба к этому привыкли. – Он вернул ей долгий взгляд. –
Марсела, специалист по бизнесу. Кем хочешь стать?
Марсела покрутила бутылку в руке.
– Главой корпорации.
Маркус рассмеялся. Мягкий, хриплый звук.
– Думаешь, я шучу?
– Нет.
– Откуда ты знаешь?
– Оттуда, – сказал он, сокращая и без того узкое пространство между ними, – что мы
– идеальная пара.
Подул ветер, и Марсела поежилась.
– Нам лучше зайти внутрь, – сказал Маркус, отстраняясь.
Он предложил ей руку, помог забраться. Но на этот раз первым никуда не пошел.
– После тебя, – сказал он, указывая на дверь спальни. Та все еще была приоткрыта, снизу
доносились музыка и смех. Но когда Марсела подошла к двери, то заколебалась. Она могла
представить, как Маркус стоит в нескольких футах позади нее, сунув руки в карманы, и ждет,
что же она сделает.
Марсела закрыла дверь.
Тихо щелкнул замок, и Маркус тут же оказался рядом, лаская губами шею. Он невесомо
провел ладонями по плечам Марселы, спустился вниз к талии. Ее затопил жар.
– Я не сломаюсь, – сказала она, повернулась и накрыла рот Маркуса своим. Он прижал
ее к двери. Марсела впилась ногтями в его руки, пока он расстегивал рубашку. Он оцарапал
зубами ее плечо. Они уничтожили идеальный порядок в его комнате, разбросали одежду, опро-
кинули стул, лампу, смели книги с кровати, пока Маркус вдавливал Марселу в простыни.
Они отлично подходили друг другу.
Идеальная пара.

II

Четыре недели назад

Пригород Мерита

Такси остановилось перед «Хайтс», высотным зданием из светлого камня в самом центре города. Марсела заплатила водителю наличными и выбралась из машины, с каждым шагом борясь с глухой болью.

Когда она впервые узнала о секретной квартире – из чертовой банковской выписки, – то предположила худшее, но Маркус заверил, мол, это место сугубо практичное. Безопасный дом. Муж даже настоял на том, чтобы привезти ее туда и продемонстрировать свою тщательную работу – ее любимые дизайнерские вещи в шкафу, обожаемую марку кофе на кухне, правильный шампунь в душе.

И Марсела действительно ему поверила.

Маркус нашел способ сделать свой секрет их общим. Время от времени она звонила ему, говоря, мол, чрезвычайная ситуация, муж мрачно приказывал ей встретиться в условленном месте, а когда приходил, Марсела ждала его, одетая лишь в золотую ленту с бантом.

Теперь от воспоминания о пошлой розовой помаде ей стало плохо.

«Вот же дура».

Консьерж поднялся из-за стойки, чтобы ее поприветствовать.

– Миссис Риггинс, – удивленно поздоровался Эйнсли. Он быстро оглядел ее одежду не по размеру, повязки, что выглядывали из воротника и манжет, но обитатели «Хайтс» платили за молчание столько же, сколько окна от пола до потолка (теперь Марсела задавалась вопросом, сколько раз Эйнсли вот так же молчал с ее мужем).

– Вы... в порядке? – рискнул поинтересоваться он.

Она пренебрежительно отмахнулась:

– Это долгая история. – А потом, спустя мгновение, уточнила: – Маркуса здесь нет, не так ли?

– Нет, мэм, – торжественно заверил консьерж.

– Хорошо, – сказала Марсела. – Боюсь, я забыла свои ключи.

Эйнсли быстро кивнул и обогнул стол, чтобы вызвать лифт. Когда двери открылись, консьерж последовал за ней внутрь. Поднявшись наверх, Марсела потеряла лоб, словно просто устала, и спросила, какое сегодня число.

А услышав ответ, напряглась.

Она пролежала в больнице почти две недели.

Но это не имело значения, не сейчас. Важно то, что сегодня вечер пятницы.

Она точно знала, где будет Маркус.

Лифт остановился на четырнадцатом этаже. Эйнсли проследовал за Марселой, открыл ей дверь кремового цвета и пожелал приятной ночи.

Марсела подождала, пока он уйдет, затем вошла внутрь и включила свет.

– Милый, я дома, – проворковала она в пустую квартиру. Ей хотелось что-то почувствовать – укол скорби или сожаления, – но в груди осталась только боль и нарастающая волна гнева. Когда Марсела потянулась к одному из бокалов на стойке, тот исказился от прикосновения и превратился в песок. Зернышки просыпались меж светящихся пальцев Марселы прямо на пол.

Она смотрела на свою руку, остатки стекла тонким слоем покрывали ладонь. Странный свет уже затухал, и когда она потянулась за новым бокалом, тот устоял.

В холодильнике нашлась бутылка шардоне. Марсела налила себе выпить, включила новостной канал – нужно узнать, что она пропустила, – прибавила громкость и направилась в спальню.

На кровати лежала одна из рубашек Маркуса... вместе с ее блузой. Бокал в руке едва не поддался, поэтому Марсела его отставила. Двери в гардеробную были распахнуты, одну стену занимали темные костюмы Маркуса, в то время как остальное место было отдано дорогим платьям, блузкам и туфлям.

Марсела оглянулась на одежду, все сплетенную в объятиях на кровати, и почувствовала, как внутри поднимается гнев. Она провела сияющей рукой по шкафу мужа, глядя, как одежда гниет от одного прикосновения. Хлопок, шелк и шерсть посыпались с вешалок, обращаясь в прах еще до того, как долететь до пола.

Гнев отвергнутой женщины страшнее ада, подумала она, отряхивая ладони.

Успокоившись – хотя куда там, даже близко не успокоившись, но на мгновение затихнув, – Марсела взяла бокал и пошла в роскошную ванную комнату, где поставила вино на край мраморной раковины и начала сдирать с себя грязную украденную одежду. Она раздевалась

до тех пор, пока не осталось ничего, кроме бинтов. Стерильные белые полоски выглядели не столь соблазнительно, как золотые ленты, но казалось, что они ровно так же обвивают ноги, живот, руки.

Отмечая ее. Издеваясь над ней.

Марселе безумно захотелось что-нибудь уничтожить. Вместо этого она стояла там и впитывала свое отражение, каждый шрам, каждый изъян, запоминала их, ожидая, пока пройдет гнев, – не исчезнет, нет, просто спрячется, как кошачьи когти. Если эта новая сила временная, имеет ограничения, нельзя тратить ее впустую. Когти следует держать наготове.

Обезболивающие из больницы выдохлись, и в ушах зазвенело. Марсела вытащила две таблетки викадина из своего запаса под раковиной, запила их остатками шардоне и пошла собираться.

III

Восемь лет назад

Окраина

Телефон звенел, звенел и звенел.

– Не отвечай, – приказал Маркус, расхаживая по комнате. На шее у него болтался развязанный темный галстук.

– Дорогой, – сказала Марсела, сидя на краю кровати. – Ты знал, что они позвонят.

Он несколько дней не находил себе места в ожидании звонка. Они оба знали, кто это будет: Энтони Эдвард Хатч, один из четырех глав преступного синдиката Мерита и давний покровитель *Джека* Риггинса.

Конечно, Маркус в итоге рассказал ей, чем занимается его отец. Что для них слово «семья» – это не просто биология, а профессия. Он признался на старшем курсе колледжа, признался, выглядя при этом как смерть, и Марсела вдруг поняла, что он пытается с ней порвать.

– Это как присоединиться к духовенству? – спросила она, потягивая вино. – Ты дал обет безбрачия?

– Что? Нет, – сказал он в замешательстве.

– Тогда почему мы не можем быть вместе?

Маркус покачал головой:

– Я пытаюсь тебя защитить.

– Тебе не приходило в голову, что я сама могу себя защитить?

– Это не похоже на фильмы, Марсела. То, что делает моя семья, это жестоко и кроваво.

В этом мире, в моем мире люди страдают. Умирают.

Марсела моргнула. Отставила бокал. Наклонилась.

– Люди умирают в любом мире, Маркус. Я никуда не собираюсь.

Две недели спустя он сделал ей предложение.

Марсела поправила бриллиант на пальце, когда телефон перестал звонить.

Через несколько секунд все началось заново.

– Я не отвечу.

– Так и не надо.

– У меня нет выбора, – отрезал он, проводя рукой по своим золотистым волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.